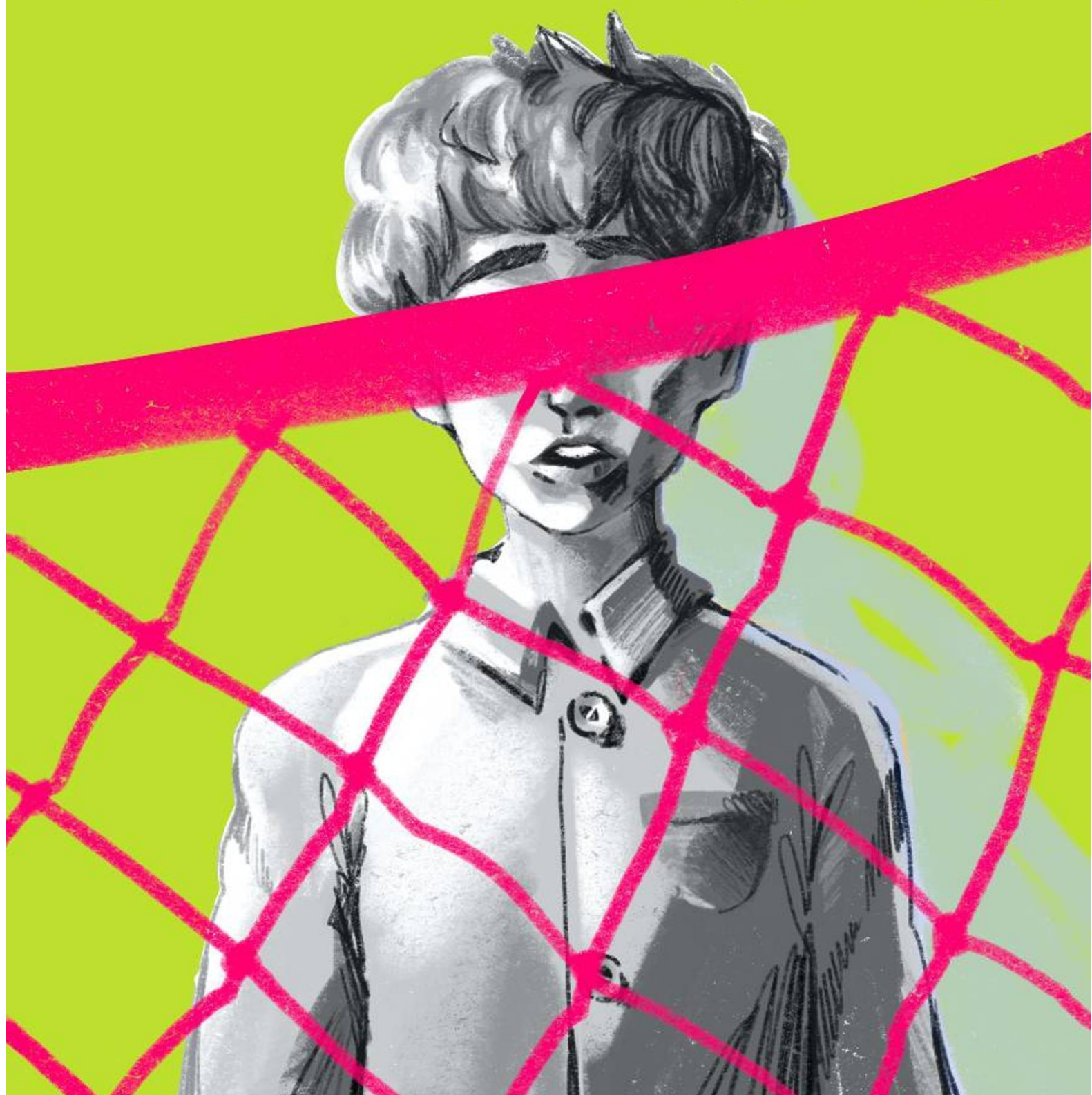

АНДРЕЙ БЕЛОГОРЦЕВ

МОНСТР-БЛОК

Андрей Белогорцев

Монстр-Блок

«Автор»

2026

Белогорцев А.

Монстр-Блок / А. Белогорцев — «Автор», 2026

В три года ребёнок тянется к мячу. В семь лет включает пультом волейбольный матч. В десять лет поступает в спортивную школу. В семнадцать лет его забирают в академию. В восемнадцать ребёнка переименовывают в игрока, а его жизнь начинает принадлежать тренеру. В двадцать три волейбол и становится жизнью. Так, мне казалось, всё и происходит. Но со мной – не произошло.

Андрей Белогорцев

Монстр-Блок

Партия 1. Школьная парта

В три года ребёнок тянется к мячу. В семь лет включает пультом волейбольный матч. В десять лет поступает в спортивную школу. В семнадцать лет его забирают в академию. В восемнадцать ребёнка переименовывают в игрока, а его жизнь начинает принадлежать тренеру. В двадцать три волейбол и становится *жизнью*.

Так мне казалось, всё и происходит. Но со мной – не произошло.

1.1

Из окна, подоконник которого измалёван ручкой и корректором, дул тёплый весенний ветер. Сквозняк получался из-за открытой двери. Эсгэшка, так мы называли нашу классуху, вышла, и все стояли на ушах. В мою белую, выглаженную мамой рубашку, прилетело несколько жёванных бумажек, в спину тыкали ручкой, сосед по парте рисовал в дневнике. В класс зашли двое рабочих. Наступила тишина. Когда рабочие проходили мимо наших рядов, я, как и остальные ребята, встал со своего места и попытался заглянуть им за плечо. На фоне бледных деревянных столов они перетаскивали красно-зелёную парту с красочными фотографиями и какими-то надписями. Я сразу понял: эта парта – особенная. Мы провожали рабочих взглядом и думали о том, кто же за этой партой будет сидеть.

– Минуточку внимания, – сказала классуха. – Сегодня к нам пришёл гость, игрок волейбольного клуба «Металлург» Иван Алексеевич Треухин, почётный выпускник нашей школы. Он расскажет вам о том, каково это – быть спортсменом.

Эсгэшка кивнула в сторону коридора. Сначала в класс зашла взъерошенная короткая стрижка, затем появилась шея, плечи, и, наконец, всё остальное туловище. Когда мужчина выпрямился, его бородатое лицо загородило часы над дверным проходом. Великан прошёл к доске как ни в чём не бывало, как будто пригнуться и кланяться перед каждой дверью было обычным делом. Он начал что-то рассказывать, а я смотрел на этого гиганта, как Гарри Поттер смотрел на Хагрида. Его пальцы были длинными и немного кривыми; они не соприкасались, а находились немного на расстоянии друг от друга, образуя черпак, в который можно было поместить небольшую салатницу или что-нибудь круглое, например, мячик. Его взгляд был устремлён в конец класса; он смотрел на нас сверху вниз, и создавалось впечатление, что между нами есть преграда, из-за которой он выглядывает.

У меня пересохло в горле; я поперхнулся, а когда поднял голову – увидел, что великан смотрел прямо на меня. Я задержал дыхание, чтобы остановить кашель, но не получилось. Вместо этого я смотрел ему в глаза и кряхтел. Он был спокойным и уверенным – я же суеился и не знал, как правильно себя вести; его движения были естественными – я же позорился со своим кашлем; он был высоким и широкоплечим – я стоял в самом конце шеренги на физкультуре.

Мы были такими разными.

Тогда я решил во что бы то ни стало стать таким же, как он. Но пока высоченные мужики летали над сеткой, я сидел на уроке в этой глуповатой рубашке и слушал про десятичные дроби.

Звонок на перемену, и я первым подбежал к новой парте. Заголовок: «Волейбольному клубу "Металлург" исполняется 50 лет со дня основания». Дальше: «За это время он выиграл... Текущий состав клуба...» и три абзаца истории клуба, которые я тоже пропустил. Слева же были фотографии. Мне запомнилась только одна: над сеткой подняты две руки с замотанными пальцами, и в одну из ладоней попадает жёлто-синий мяч.

На физре я подошёл к волейбольной сетке и вытянул руки. Даже когда подпрыгнул, не смог дотянуться до верхнего края. Мне проще было пройти под сеткой, чем увидеть противоположную сторону поля сверху. Тогда я отошёл на пару шагов и взглянул на эту недостижимую высоту. И я увидел (верю, что увидел!) Ивана Алексеевича, который в прыжке смотрел на меня с той стороны площадки тем уверенным и спокойным взглядом, с которым я столкнулся в классе. Руки его были вытянуты над сеткой так высоко, что переходили на мою сторону площадки. Он казался мне таким громадным, будто это был не обычный человек, а Халк.

В раздевалке меня дёрнул одноклассник:

– Помнишь длинного, что к нам на прошлом уроке заходил? Я его фотку на парте нашёл, теперь он не только бородатый, но и хвостатый, ха-ха!

– Ты что, парту испортил?!

– Парта и парта, жалко, что ли? Вся школа в них.

Я толкнул его в плечо. Дальше он говорил уже не таким весёлым голосом.

– Ты чего? Типа защитничек? За всех бомжей с улицы, чьи фотки у нас в классе, теперь бить будешь? Давай, ударь меня!

И я ударил. На шум драки пришёл физрук, который притащил нас к Эсгэшке. Она, конечно, не слушала, что произошло, только рассадил: того тупорылого на первую парту, поближе к учителю, а меня – в самый конец, за волейбольную парту.

Окружающий мир, история или литература, мне было без разницы. Эти сорок пять минут я находился на стадионе. Болельщики встают и опускаются, как будто идёт волна. А я демонстративно подхожу к сетке, подпрыгиваю и перекидываю поднятые руки так, что верхушка сетки оказывается где-то на уровне подмышек. Зал заливается аплодисментами, каждый из них скандирует моё имя: «Же-ня! Же-ня! Же-ня!»...

– Же-ня! - это была классуха. - Ты домой идти собираешься?

В машине меня уже ждала мама. Дома я полез на ютуб: смотреть первые попавшиеся волейбольные игры, в которых пока ничего не понимал. Шесть игроков с одной стороны, шесть с другой. Одни пониже, другие повыше. И тут увидел то, что стало для меня «волейболом». Два человека встали у сетки вплотную друг к другу и приготовились стать стеной из рук, чтобы не дать мячу пройти. Ух ты! Мяч полетел не к краю площадки, а прямо по центру. Блок в рас-терянности! Бей, куда хочешь! Тогда один из игроков подпрыгнул, вытянул свои длинные руки и в одиночку отразил удар! Мяч улетел от вытянутых рук в поле соперника, как будто молотком заколотили гвоздь. Стадион взревел, заморгали прожектора, и комментатор крикнул «Монстр-р-р блок!». Болельщики подскочили, вытянув руки вперёд, и начали качать влево и вправо, как будто передразнивали лошка-нападающего. А комментатор в это время все повто-рял: «Монстр-блок, монстр-блок, монстр, монстр, монстр-блок!». Камера показала со спины довольного волейболиста, которого обнимали товарищи по команде. Наверное каждый, кто был в этот момент на стадионе, хотел бы оказаться на месте этого игрока. Я-то уж точно!

Я ждал, когда придет с работы папа, чтобы рассказать им с мамой про Ивана Алексее-вича, про парту, драку и волейбол. Может быть, прямо сейчас он проезжает мимо «Шарика» – так мы называем стадион Металлурга из-за круглой формы. Меня водили туда пару раз роди-тели, но мы сидели на последних рядах, да и было это уже давно. Около стадиона всегда была пробка, мы долго не могли припарковаться, а в машине меня всегда укачивало, за игрой я не следил. Да и в целом волейболом не так интересовался.

Волейбол – не самый зрелищный вид спорта, мне так папа говорит. Мы иногда ходили всей семьёй смотреть волейбол, садились на задние ряды и ничего не было видно. Но одно дело, когда смотришь волейбол издали, и совсем другое, когда видишь волейболиста вблизи! Вот встретишь его в обычной жизни, и ведь никто не будет гадать, кто он? Инженер? Учитель? Сварщик? Одного вида хватает, чтоб понять: он – волейболист!

Разбудила меня мама. Оказывается, я так и заснул в мятой рубашке и с планшетом в руках, а она незаметно переложила меня на кровать. Мы опаздывали, но каждый раз, когда я хотел рассказать про вчерашний день, мне говорили: «ешь быстрее!». Мне всунули портфель в одну руку, тёмно-синий пиджак в другую, и выгнали в машину.

В школу я шёл с удовольствием. Чтобы стать спортсменом, надо вести себя, как спортс-мен. А спортсмены что делают? Добиваются своей цели! Моей целью на сегодня стало про-сидеть за особенной партией весь день, чтобы лучше изучить волейбольную команду своего города. Пришёл в класс прямо перед звонком, и сразу же сел на своё новое место. Правда, во время перекички произошёл косяк. Эсгэшка передвигала линейку по фамилиям из журнала и смотрела на ребят. Все были на своих местах. И только когда линейка дошла до меня, парта оказалась наполовину пустой.

- Жень... Жень опаздывает, что ли?
- Я тут!
- Ты чего не на своём месте? Быстро пересел!
- Светлана Григорьяна, а можно...
- Быстро, говорю! А теперь о контрольной работе.

Пересаживала, ещё и контрошу втюхала. Этот урок, наверное, лучше отсидеть с соседом, будет у кого списать. Но дальше! В прошлый раз я оказался за партией после драки. Что же получается, теперь это парта для хулиганов? Ну и пожалуйста. Как говорится, вижу цель, иду к цели. Тем более, что я не хулиган, да и контрольную напишу на пятёрку. Просто повеселюсь немного.

Тырим из столовки сахар, размешиваем в горячей воде и окунаем туда тряпочку. Главное – с дежурными договориться.

– Открываем тетрадки, записываем тему урока.

Эсгэшка подошла к доске. Попыталась записать тему – а нифига! Доска как была зелёной, так и осталась.

– Так. А ну признавайтесь, кто натёр доску сиропом?

Класс дружно засмеялся, да так громко, чтобы подольше успокаивали, и оставалось меньше времени на урок. А я смеялся двойне громко, потому что мой план вот-вот должен сработать.

– Тишину поймали! Кто сегодня дежурный?

Сквозь хохот меня моментально сдали:

– Женя, Женя! Сам вызвался!

– Хулиганьё! – сказала и постучала длинными ноготками по столу классуха. – Бери ведро и иди за нормальной водой. И портфель свой заberi, до конца урока будешь сидеть один в конце класса.

Я еле сдержал улыбку, пока шёл до двери! Стоило мне только выйти с ведром в коридор, как подпрыгнул и крикнул «есс». Мне не трудно ещё раз вытереть доску, тем более, за такую награду.

И вот я, наказанный, но такой довольный, сижу за новой партой. Хвостатый Иван Алексеевич, фотка с руками, красно-зелёные цвета. Всё казалось мне таким близким, таким родным! Этот урок я решил посвятить изучению достижений команды, которые были перечислены справа от фоток, и которые я благополучно пропустил вчера.

Достаю из портфеля планшет. «Восьмикратный чемпион России». Тут вроде бы всё понятно, команды со всей России, один победитель. «Победитель Лиги чемпионов»? Пишут, что это турнир, в котором участвуют лучшие команды со всей Европы. Ничего себе достижение! Игры проходили в два этапа: дома и в гостях. Поверить не могу, что несколько лет назад в наш маленький город приезжали команды из Италии, Германии, Польши... А я удивлялся, откуда пробки такие перед стадионом. Но и это ещё не всё, «Металлург» был «победителем Чемпионата мира по волейболу среди клубных команд»! Что же выходит, наша команда одна из лучших в мире, а я узнаю об этом только сейчас? «...большую роль в достижениях Металлурга сыграла академия. Наши тренеры работают с тремя направлениями: младший, средний и старший возрасты в зависимости от уровня подготовки ребёнка».

Что ещё тебе нужно? Чёрным по красно-зелёному написано: а-ка-де-ми-я. Меня научат. Надо скорее прийти домой и попросить родителей отдать меня в волейбольную школу.

Звонок! На следующем уроке надо изучить игроков. Меня попросили вернуться за свою парту, как теперь пересесть обратно?

Из шариковой ручки легко сделать трубочку. Отрываю черновик, жую бумажку вкуса чернильных хлебцев и языком проталкиваю в трубочку. Кто там в меня вчера плевался, а ну держись!

– Женя! – окликает меня классуха. – Опять ты! Что с тобой случилось, кто тебя ужалил?! Сил моих больше нет, давай сюда дневник.

– Светлана Григорьяна!

– Дневник, говорю! Буду писать маме. И просить завтра прийти вместе с тобой в школу.

Делать больше нечего. Под выкрики «доплевался!», «лошара!», «защитничек, мамку позови!» тащу дневник Эсгэшке, и весь класс ждёт, пока она напишет письмо счастья.

Дома папа всыпал ремня. Мама долго ругалась, но была совсем не против волейбольной секции. Правда, после того как согласилась, она отошла на кухню, кому-то позвонила, и сказала, что сейчас это невозможно: набор будет только с сентября, и несколько оставшихся меся-

цев до конца пятого класса плюс всё лето мне нужно было ждать. Я это воспринял спокойно, будет время подготовиться, чтобы потом показать себя.

На следующий день приехали в школу вместе с мамой. Мы шутили, смеялись, я совершенно не чувствовал, что вообще-то сейчас меня будут ругать, может, даже поведут к директору. Эсгэшка выглядела мрачной. Не поздоровалась со мной, только с мамой. Лицо мамы тоже изменилось, стало как будто серьезнее. Меня попросили выйти из кабинета. Ни криков, ни самого разговора я не слышал, как ни пытался подслушать, я абсолютно не понимал, что происходит внутри. Уже не хотелось улыбаться.

А когда меня снова пригласили в класс, то увидел, что волейбольная парта стояла не последней, а второй в ряду у окна. Мне разрешили сидеть за ней до конца учебного года с условием, что я улучшу свои оценки. Собственно, так и получилось: в итоговой колонке дневника была только одна четвёрка по информатике – а это значит, что уже со следующего года я смогу играть в волейбол.

1.2

Прислонившись к окну рукой, я читал вывески новых магазинов, бегал глазами от одной новой многоэтажки к другой, изучал новые повороты и лежащих полицейских, на которых неожиданно подпрыгивала машина. Всё было *новым*. И это *новое* для меня только начиналось: я первый раз встречусь со своим тренером, первый раз увижу своих друзей по команде, первый раз в жизни буду играть в волейбол по-настоящему. Говорю «по-настоящему», потому что всё лето папа учил меня играть в волейбол. Я уже умел отбивать мячи сверху и снизу, иногда получалось подавать, да и мяч всё чаще летел не в сторону, а папе в руки. Я был готов к тому, чтобы начать заниматься волейболом и играть не хуже остальных.

– Чего насупился, волнуешься? – я увидел мамины глаза в зеркале заднего вида.

– Я не волнуюсь!

– А, поняла, это ты так сосредоточился. Смотри, мы уже подъезжаем.

Подъезжаем! Уже скоро я смогу войти в этот здоровенный волейбольный зал, с его трибунами, высоченными потолками, почти рыболовной сеткой с обеих сторон площадок – их вывешивают, чтобы мячи не улетали каждый раз на трибуны. Мне выдадут красивую форму клуба, специальные кроссовки... Интересно, какой у меня будет номер?

Мама снова посмотрела на меня в зеркале.

– Я, кстати, тут училась в своей молодости. Школа совсем не изменилась с того времени.

Впереди было двухэтажное здание с шариками, которые так и не сняли с первого сентября, и вывеской «Добро пожаловать!»

Так значит, вместо стадиона академии я буду играть в какой-то левой секции 42-й школы?... Живот скрутило, я вжался в сиденье и снова посмотрел в боковое окно.

– Футболку, шорты положила, кроссовки положила, водичка, полотенце на месте. Пошли? – она открыла заднюю дверь. – Всё хорошо?

– Да, просто укачало.

В фойе пахло краской. Потолок трескался. Лампочки мигали, а какие-то и вовсе не работали. Коридор налево и коридор направо, лестница наверх и еще две вниз, хотя мы и так находились на первом этаже. Меня повели как раз вниз, в подвал. В конце коридора открытая дверь и синий пол с желтыми линиями – спортивный зал. Эхом доносились стуки мячей о стену. Мама заглянула внутрь, и оттуда вышла светловолосая женщина, ростом примерно с маму. Женщина улыбнулась, поздоровалась со мной, спросила, как зовут.

– Женя, – ответила за меня мама.

А потом мама повернулась ко мне:

– Это Наталья Вячеславовна. Они вместе с Леонидом Геннадьевичем будут твоими тренерами.

Наталья Вячеславовна согнулась, положила руки на колени, кивнула головой и, не переставая улыбаться, сказала:

– Беги, переодевайся, и приходи к нам! Раздевалка вот тут, за углом.

Белая школьная футболка и чёрные шорты – вот моя форма. Ну ничего! Нужно показать, что мой уровень выше остальных ребят и мне нужно перейти в настоящую академию. Наталья Вячеславовна ещё разговаривала с мамой. Когда я вышел из раздевалки, тренер положила мне руку на спину и повела в зал.

– Ребята, внимание! Это Женя, он новенький, теперь будет заниматься с нами. Давайте на три-четыре скажем «Привет, Женя»!

Около пятнадцати парней, которые до этого мотались по всему залу с мячами, скалками и фишками, на секунду остановились, хором сказали «привет, Женя» и продолжили бегать, не обращая на меня внимания.

– Через пять минут начинаем. – Наталья Вячеславовна открыла дверь и вышла в коридор, в котором стояла мама. Мама смотрела на меня, улыбалась и подмигивала. Мне стало спокойней, я улыбнулся в ответ и пошёл к шведской стенке, которая стояла недалеко от входа.

На той стороне площадки образовалась кучка людей, и за их спинами я пытался разглядеть, что происходит. А смотрели они на парня со скакалкой. Он прыгал, иногда перепрыгивая сразу через два замаха, иногда крест-накрест, а потом и вовсе выбежал в сторону, продолжая прыгать на скакалке, приговаривая «А я бегу, бегу, бегу, бегу, бегу, бегу...» Парни, которые стояли в кучке, побежали за ним, только без скакалок. Тоже мне, фанаты.

– Это Никита, он у нас звезда. – Ко мне подошёл полненький парень. – А меня все зовут «Картохой». Говорят, я бегаю как мешок с картошкой. Вообще я Максим, но мне не обидно, я люблю картошку. Ты Женя, да? Будем дружить?

Я кивнул, зачем-то дважды. В зал зашла Наталья Вячеславовна и похлопала в ладоши, после чего крикнула «Строимся». А затем подошла ко мне, снова нагнулась:

– Ты уже подружился с Максимом? Как хорошо, сегодня будете в паре заниматься.

Максим это тоже слышал. Он смотрел на меня так радостно, как дворняжка, которая ждёт косточку. Но Макс вроде приятный парень!

Наталья Вячеславовна попросила встать самым последним. Подумал, что это из-за того, что я новенький. Я выглянул посмотреть на шеренгу. Оказалось, что мы выстраивались по росту, а я был самым низким. Парень справа от меня выше чуть ли не на целую ладошку, хотя может, так казалось из-за его причёски. Максим тоже был ближе к концу, но я его не увидел сразу. Кто же был самым высоким?

По команде мы развернулись направо и побежали. Во главе нашей змейки бежал, иногда оборачиваясь и разговаривая, Никита. Тот самый выпендрёжник со скакалкой. Мне хотелось быть первым вместо него, но, когда я хотел кого-то обогнать, мне выставляли руку и говорили бежать друг за другом.

Беговые упражнения закончились. Наталья Вячеславовна просила разойтись по всему залу равномерно, но большинство ребят были рядом с Никитой. Даже те, кто стояли немного подальше, развернулись в его сторону. Не понимаю, он как-то по-другому разминается, что все на него смотрят, или что? А он при этом ещё и кривляется, болтает постоянно, отвлекается. Клоун. Просто клоун!

Наконец, нам раздали мячи. Максим встал в пару со мной, мы кидали мяч одной рукой, двумя. Движения Максима казались мне неуклюжими, медленными, не волейбольными. Интересно, он играет так же? Если да, то мне точно нужно в академию!

Я подошёл к тренеру.

– Наталья Вячеславовна, а мы скоро будем играть?

– Женечка, играть мы будем попозже.

– А можно сейчас?

– Нет, нельзя. Сегодня у нас тоже будет много всего интересного. Заканчивай разминаться, а я пока схожу за билбордом.

Она ушла в кабинет в конце спортивного зала, а мы с Максимом ещё немного покидали мячи. Наталья Вячеславовна попросила взять маты и собраться вокруг неё. Ребята побежали в тот же кабинет, я за ними. Вошёл и замер: чего там только не было! Вся стена увешана медалями и кубками. «Чемпионат области», «Первенство России», какие-то благотворительные турниры. На фотографиях разные команды в разных цветах, в основном мальчишки и девочки моего возраста. А рядом с ними – Наталья Вячеславовна и какой-то высоченный мужик в солнцезащитных очках. Какая же она низкая по сравнению с ним! Хотя она одного роста с мамой, а мама у меня не такая уж и низкая.

Меня кто-то толкнул сзади.

– У прохода не стой!

И другой голос:

– Опять теория...

Я взял мат, пошёл к тренеру.

Наталья Вячеславовна стояла посреди зала с большой белой доской, на которой нарисована волейбольная площадка. На одной половине «площадки» шесть красных кругленьких магнитиков, в руке маркер.

– Давайте, давайте, усаживайтесь побыстрее! – подгоняла Наталья Вячеславовна. – Никита, где твой мат, опять баловался всё это время? Вон, подсаживайся к Жене.

Он шмыгнул носом, посмотрел по сторонам, но не найдя рядом никого, с кем можно было бы поболтать, развернулся в сторону тренера и шлёпнулся на мат животом, чтобы можно было удобно лежать. Парни слева и справа тоже легли на мат, как и Никита. Я же сидел. Не буду плясать под его дудку!

– Кто лёг, а ну не разваливайтесь, сядьте на мат! Если не удобно сидеть, подогните под себя ноги, но не лежите. – Наталья Вячеславовна посмотрела на Никиту, нахмурила брови и погрозила пальцем.

«Так тебе и надо, – подумал я. – Один-ноль в мою пользу».

Никита и компания нехотя сели, а Наталья Вячеславовна начала рассказывать про то, как играть в волейбол. Шесть игроков на площадке, три касания на команду, это я всё знаю. А вот дальше...

– В волейболе, есть роли игроков, или по-другому, амплуа. Сегодня расскажу только про две позиции: это связующий и диагональный. Связующий всегда стоит под сеткой посередине. Именно от него будет зависеть, кому достанется мяч и с какой зоны пойдёт атака. Почти всю игру он стоит спиной к сетке, чтобы видеть, кому отдавать пас. Если в оркестре есть дирижёр, то в волейболе это связующий. Такому человеку важно иметь хорошую технику, чтобы точно передать мяч.

Я посмотрел в сторону, чтобы найти человека, который всем своим видом покажет, что он связующий, но таких не оказалось. Все смотрели либо на тренера, либо в пол.

– Диагональный – самый сильный игрок в команде. Он не участвует в приёме, его задача забить как можно больше мячей. Его удары всегда мощные и сильные, именно диагональные зарабатывают больше всего очков за матч.

И вот тут все зашевелились, запрыгали, как будто в школе прозвенел звонок с урока. Как чайки: «это я! Нет, я! Вообще-то я! Я самый сильный, я, я!»

Меня толкнули вбок. Это был Никита.

– Новенький, а ты на какой позиции хочешь играть? – спросил он шёпотом.

– Я???

Как бы ему ответить, что я не знаю. Если признаюсь, то подумает, что я слабый! А я не слабый. Вспомнил фотографию на парте, как две руки над сеткой блокируют мяч. Тогда я поднял руку и выкрикнул:

– А кто делает «монстр-блок»?

В зале захихикали, как будто я рассказал анекдот. Стало неловко, но Наталья Вячеславовна ответила серьёзно.

– Монстр-блок, конечно, громко сказано, но в волейболе есть специальный человек, который стоит у сетки лицом и выпрыгивает двумя руками на мяч, чтобы тот не смог перелететь. Это «центральный блокирующий». Только приём называется не «монстр-блок», а просто «блок». Монстр-блок – это очень-очень хороший одиночный блок.

Никита снова меня толкнул.

– Центральный блокирующий, серьёзно? Ты же коротышка!

Видимо, наш разговор услышал тренер.

– Подождите делиться на позиции! Нам нужно тренировать все навыки. Обычно амплуа можно понять к шестнадцати-семнадцати годам, а вам всем по тринадцать. Каждый из вас будет пробовать себя на разных позициях, а мы будем немного подсказывать, у кого что лучше получается. Из лучших аспектов вашей игры и будет складываться амплуа. Правда, ещё важен рост, но это всё потом.

Наталья Вячеславовна рассказала про переходы, замены. Потом мы убрали маты и играли в салки, вышибалы, во что угодно, но только не в волейбол.

В раздевалке я не особо с кем общался, больше слушал то, что говорят остальные. Шумато! Обсуждали позиции, кто где хочет играть, у кого сильнее удар.

Максим показал дорогу из школы на улицу. Говорю ему:

– Ну а ты-то на какой позиции хочешь играть?

– Не знаю. Хочу забивать мячи, много мячей!

Вот и все так. Большинство ребят мечтали о том, чтобы забить красивый мяч. Я же мечтал о том, чтобы не дать им это сделать.

– Жень, мне направо. Тебя мама заберёт? Я тогда на остановку пошёл.

Я протянул руку вперёд, чтобы пожать на прощание, а он уже стоял с раздвинутыми руками в стороны, чтобы обняться. Тогда я тоже вытянул руки в стороны, а Максим протянул руку вперёд. Неловко.

Меня ждала мама. Школа, домашняя работа, я думал только об одном: прийти на тренировку и показать Никите и всем остальным, насколько хорошо я играю.

1.3

Мама хотела пойти со мной, но я попросил её остаться в машине. Справлюсь. Дошёл до раздевалки, уже здоровался с парнями, хоть и не знал их имён, пришёл в зал. Натальи Вячеславовны не было, наверное, сидела в кабинете. Но из кабинета вышла не она, а мужик с солнечными очками на лысине.

– Привет, бойцы!

– Здрав-ствуй-те! - хором прозвучало в ответ.

Я молчал. Люди с высоким ростом сразу казались мне авторитетом. Значит, волейболист, значит, профессионал.

– Кто это? - тихонько спросил я Максима.

– Леонид Геннадьевич.

– Хорошо, а кто это?

– Тренер. Второй. Наталья Вячеславовна отвечает за тактику, а так у нас Леонид Геннадьевич.

Мы выстроились по росту и побежали по залу. Разминка такая же, как и в прошлый раз. Во время растяжки я подошёл ближе к Максиму.

– А кто тебе больше нравится? – Мне было интересно узнать, чем будут отличаться тренировки.

– Конечно, Наталья Вячеславовна! С ней тренировки приятные. А Леонид Геннадьевич демон какой-то. Опять всю тренировку ругаться будет. Говорит, у меня не руки, а ростки от картошки, такие же кривые.

– Нормальные у тебя руки. А чего ругается-то?

– Технику ставить будет! Целый час за мячами гоняться.

Такая новость просто не могла не обрадовать! Сегодня мой день, надо хорошо себя показать.

– Мячи разбираем, один на пару, – рявкнул Леонид Геннадьевич.

Мячи начали лететь по всему залу. Один из них летел в меня – я его поймал, посмотрел, откуда прилетел, и не швырнул, а аккуратно покатил мяч в ту сторону, как и положено в волейболе. Я снова встал с Максимом, но подошёл Леонид Геннадьевич, взял меня за запястье и увёл в сторону.

– Нет, у Жени будет другая пара. Никита!

Никита дурачился недалеко от нас, тренера не слышал. Тогда Леонид Геннадьевич взял одной рукой мяч (у меня так не получается!) и кинул его в Никиту. Не со зла, конечно, просто чтобы тот не отвлекался. Мяч попал в ноги, Никита от неожиданности вздрогнул, но обернулся с улыбкой. Видимо, уже не первый раз в него прилетает.

– Никит, вставай в пару с новеньким. Как там тебя?

– Женя.

– С Женей, будешь его натаскивать. А ты, - он обратился ко мне, - смотри, чтобы он не отвлекался, хорошо?

Я кивнул. Никита, который был выше меня на целую голову, подбежал, ведя по пути волейбольный мяч ногами, как футболист и пнул в мою сторону, ожидая, что я пну ему в ответ. Я нагнулся, взял мяч в руки и ждал указаний тренера.

Леонид Геннадьевич стоял в конце зала, сложив руки на груди. Даже отсюда его хорошо видно.

– Передача сверху. Прохожу, смотрю, как вы выполняете. – тренер подошёл к первой паре.

Голос тренера был громкий не от того, что он кричит, а сам по себе. Мы слышали все его замечания, даже если он находился далеко. Локти согни. Колени. Пальцы разожми. Он ходил по залу, как Эсгэшка ходит классу во время контрольной.

Никита дал мне пас. Я зачем-то поймал, подкинул и сделал передачу Никите. Он усмехнулся, помотал головой, и мой мяч отбил сразу. Значит, надо отбивать сразу. Мои мячи летели то ближе, то дальше, то уходили в сторону. Никита же давал идеальный пас, что меня раздражало. Я тоже хотел давать идеальный пас! Тренер дошёл до нас. Я готовился отбить мяч, но Леонид Геннадьевич его поймал в воздухе.

– Покажи, как ты делаешь передачу? – сказал он мне.

Я подкинул мяч, кинул его в направлении тренера. Мяч прилетел тренеру в живот.

– Смотри. – Он взял меня за запястья. – Расслабь руки. Указательный и большой пальцы должны образовать треугольник. Пальцы обволакивают мяч, колени сгибаются и делаешь мягкий пас, выпрямляя руки в сторону партнёра. Он подкинул мяч над собой пару раз, после чего отдал мне.

Тренер давал комментарии всем, кроме Никиты.

Мы с Никитой пробовали перекидывать мяч, но удерживать его долго не получалось, наш рекорд – четыре раза. Каждый раз ошибался я. То в сторону улетит, то в лицо себе же попадет. На обратном пути тренер снова подошёл ко мне.

– Бери мяч, пошли к стенке.

Неужели в угол поставит?

– Вставай у стены и играй со стенкой. Прилетел мяч – поймал его в треугольник, посмотрел на свои руки, правильно ли стоят, и опять кидай. Понял?

Понял, понял. Неужели я настолько плохо играю, что могу играть только со стенкой? Какой позор. Обернулся, чтобы посмотреть на зал. У стенки стоял один я. На меня же посмотрел тренер, который кивнул и сделал «треугольник» у груди, как будто делал передачу, мол, всё правильно, стой, не отвлекайся. А я и стою. Перекидываю. Скучно, правда. Никита носится по залу, а я должен стоять у стены, как будто меня наказали.

Тренер дал другое упражнение, передача снизу. Я поймал мяч, отлетевший от стенки, и пошёл в глубину зала, чтобы найти человека без пары. Навстречу мне пошёл тренер.

– Сегодня у тебя только верхняя передача. До конца тренировки стоишь и наигрываешь.

– Так я и дома могу, – бормотал я себе под нос.

– Правильно, и дома тоже! Между прочим, это самое полезное упражнение. Чем больше стоишь у стенки, тем техничнее у тебя будут пасы. Видел, какие пасы у Никиты, хочешь так же?

Я кивнул.

– Так вот у него от природы талант. А тебе нужно работать. Ему стоять у стенки бесполезно, а у тебя получается. Не каждый сможет в таком возрасте десять минут подряд делать одно и то же упражнение. Это называется «спортивной выдержкой»: не отвлекаться и делать то, что тебе говорит тренер, повторяя много-много раз. Через пару месяцев этот Никита будет завидовать, какие красивые у тебя пасы!

Выдержка... Ну хорошо! Я встал у стенки продолжил повторять одно и то же.

– Максим, ноги, ногами быстрее подходи! – Леонид Геннадьевич шлёпнул Максима по ляшке, а потом по животу. – Когда худеть будешь, картоха? Десять кругов!

Максим опустил голову, подошёл к линии и медленно-медленно побежал.

– Я же говорил, он демон, – возмущённо сказал Максим, пробегая мимо меня.

– Никита, слезь со стенки! Десять отжиманий! – тренер не щадил никого. Почти каждому он давал индивидуальные задания, даже когда ругался.

Игра. Шесть человек встали на одной стороне, шесть других поставил на другую. Но нас сегодня 13! В нашей команде оказалось семь человек. Как рассказывала Наталья Вячеславовна, один человек остаётся в запасе и меняется с игроком после подачи.

Меня поставили сзади-слева. Я стоял на синем полу недалеко от жёлтой линии. Это – моя площадка. Моё поле, которое я должен защищать от мяча. Такое большое, синее поле. Я посмотрел на сетку. Маленькие черные квадратики, которые делили поле на наше и чужое. На недостижимой высоте над квадратами – белая полоса. А над белой полосой две широченные руки с раскинутыми, как листья пальмы, пальцами. Руки вылезают на нашу площадку, а за ними появляется бородатое лицо Ивана Алексеевича... Бум!

Никакого Ивана Алексеевича не было. Был только мяч, который больно прилетел мне в лицо.

– Один-ноль! – считает Леонид Геннадьевич. – Никита, подавай.

Ещё и Никита! Ну ничего, я просто отвлёкся, сейчас отобью. Подача. На этот раз мяч летит чуть левее меня. Там находится жёлтая линия. По правилам если мяч упадёт за эту линию, то это аут, мы выиграем очко. Я отхожу в сторону, не касаясь мяча.

– Поле!

Мяч всё-таки попал в площадку. Никита побежал давать пятюни ребятам из команды. А когда взял мяч в руки, посмотрел на меня. Значит, подача снова будет сюда же, и я отобью. Мяч летел высокий, несильный. Он приближался ко мне, а я уже представлял, как правильно выставить "треугольник" и отдать пас. Выставляю руки, а мяч прилетает чуть ниже, чем нужно для верхнего приёма, но чуть выше, чем для приёма снизу. Не успеваю сориентироваться, путаюсь в руках. 3-0.

Ко мне подошёл парень, который стоял справа от меня: «я прикрою». Он поравнялся со мной и сделал шаг вперёд, немного задев меня плечом. Что мне теперь, дышать ему в спину? Мяч летел снова в меня, но спина впереди подпрыгнула и отбила мяч. Три касания, наша команда забила. Всё происходило так быстро, как будто видео поставили на ускоренную перемотку.

Игра уже не казалась таким радостным событием, ведь я теряюсь и не могу отбить мяч. Когда я стоял сзади, мне прикрывала чья-то спина, а впереди просто не давали мяч. Переход за переходом, игра шла мимо меня до тех пор, пока я не встал у сетки на позиции связующего. Теперь я дирижёр, мне просто обязаны дать пас.

– Эй, Жень!

В команде соперников связующим стоял Никита. Он повернулся лицом ко мне и смотрел на меня через сетку.

– Знаешь, кто должен взять на себя второе касание?

– Связующий, то есть, я.

– Правильно. А знаешь, как выиграть любую игру?

На этот вопрос я ответ уже не знал, поэтому вопросительно помотал головой.

– Нужно найти в команде соперника слабое звено.

Я не понял, к чему он это сказал. Он отвернулся, игра началась. Наша подача. Мяч перелетел на их сторону, игрок принял и дал пас Никите. У Никиты второе касание, теперь он должен сделать передачу кому-то слева или справа. Мяч прилетает ему в "треугольник", руки выпрямляются... Вместо того, чтобы дать пас, он легонько перекидывает мяч через сетку, как будто даёт пас мне. Но моё касание второе! А кто возьмёт мяч первым касанием, если не я? Мяч падает рядом со мной, никто так и не успел его взять. У команды соперников переход, и

Никита, уходя в край площадки, дотронулся указательным пальцем до виска и ещё раз сказал мне: «слабое звено!»

– Я не слабое звено!!! – закричал я и шмыгнул носом. – Не слабое!

Лоб сжимался от нахмуренных бровей, всё вокруг стало размытым. Я смотрел в пол, чтобы никто не заметил моих слёз.

– Жень, у нас нет перехода, ты остаёшься у сетки, – сказал мне кто-то и дотронулся до плеча. Я отмахнулся, случайно задев руку товарища по команде, и вытер глаз костяшками так, будто мне ресничка в глаз попала. На кулаке не будет заметно, если он станет мокрым. Смотрю в сетку, в чёрные квадратики, за которыми для меня ничего нет. Там, на той стороне поля, люди умеют играть в волейбол. Но я не там. Я здесь. Здесь только слабое звено.

– Развернись! Жень, развернись, подача!

– Да помню я!

Не надо указывать, сам знаю, что связующий при подаче смотрит на своих игроков, а не на чужих. Но я не могу показать им, что у меня слёзы. Надо развернуться так, чтобы никто ничего не понял. Меня выдаёт нос, приходится шмыгнуть ещё несколько раз.

– Стоп игра. Замена, выходи вместо Жени, – говорит тренер парню на скамейке.

Какая ещё замена...

– Жень, всё, не умеешь справляться с эмоциями – уходи с площадки. Уходи, говорю! Продолжаем игру.

Быстро убегаю в раздевалку, чтобы никто меня не увидел. Заходит Леонид Геннадьевич.

– Рассказывай, что случилось.

Сижу. Молчу. Зашмыгиваю сопли назад.

– Ну? – Леонид Геннадьевич не казался таким добрым, как Наталья Вячаславовна, но он терпеливо сидел и ждал, пока я отвечу.

Мне стало не по себе от того, что двухметровый лысый волейболист не кричит, не ругается, а хочет поговорить спокойным голосом. Я вытер слезу кулаком и проямлил:

– Никита назвал меня «слабым звеном».

– И что с того? Мало ли, кто что говорит. Ты сам-то считаешь себя слабым звеном?

– Считаю.

– Интересно! – тренер выпрямился, подумал немного, потом продолжил. – То есть, ты понимаешь, что нужно играть лучше. Тебе не всё равно, это прекрасно. А что для этого нужно делать?

– Тренироваться.

– Правильно. – Он достал из-под лавочки мяч. – Знаешь, что делать?

– Знаю.

Я взял мяч, подошёл к стенке и начал отрабатывать передачу сверху, стараясь не задевать крючки для курток.

– Между прочим, расслабляет! Только лучше, если ты будешь делать это не в раздевалке, а в спортивном зале. Не важно, что идёт игра, они тебе не мешают.

Мяч действительно стал антистрессом. Пока я контролирую, куда он летит, мне спокойно. Мы с Леонидом Геннадьевичем пошли в зал. Он хотел открыть дверь, но вдруг развернулся, как будто держал за спиной не ручку, а букет цветов.

– И это. Не смотри ты на этого Никиту. Он и занимается уже два года, и рост у него выше, ему игра легче даётся, понимаешь? Тренируйся, и ты станешь лучше. Попроси родителей купить мячик, стой у стенки дома.

В зале я сел на лавочку, чтобы завязать шнурки. Мне очень хотелось посмотреть, как выглядит игра со стороны. Со стороны игра казалась медленной, ребята еле перекидывали мяч через сетку. Мяч каждый раз отлетал в стену, когда кто-то пытался принять мяч, а когда нужно было забивать, все летели на мяч, как будто считали своим долгом коснуться мяча следующим.

Неужели и я выглядел так же нелепо... Максим стоял на месте, когда нужно было сделать шаг в сторону за мячом. После моего ухода Никита особенно часто в него целился. Никита, похоже, был единственным, кто действительно хорошо играл: бегал по всей площадке, раздавал точные пасы, умел не просто перекидывать мяч, но и бил по мячу одной рукой в прыжке, получался настоящий нападающий удар.

Ну и пускай Никита играет лучше всех. Тренер сказал, что через два месяца я могу играть даже лучше. А он профессионал! Говорит, надо просто использовать свои сильные стороны, и у меня есть эта, как её, *выдрезка*.

Партия закончилась победой команды Никиты, команды поменялись сторонами, а я встал у стенки и начал кидать мяч. Я принципиально старался не оборачиваться и не смотреть игру. Сначала мне мешали крики ребят, но я смотрел на свой мяч. Потом мешали двенадцать скрипучих ботинок, но я смотрел на свой мяч. Потом хлопающаяся о железную перегородку форточка, но я всё равно смотрел на свой мяч. И когда я в следующий раз посмотрел на свой мяч, мне больше ничего не мешало. Были только я. И мяч.

Тренировка закончилась, и перед тем, как отправить нас в раздевалку, тренер велел каждому повисеть на шведской стенке. Говорит, если висеть на перекладине хотя бы десять минут в день, то можно увеличить свой рост. Я висел так долго, что в зале никого не оставалось.

В зал вошёл Максим, уже переодетый в джинсы, забрался по шведской стенке и повис рядом со мной.

– Жень, я всё хотел спросить.

Я повернул голову на него, а он держал голову ровно, не обращая на меня внимания. Тогда я понял, что Максим пришёл сюда не для того, чтобы повисеть.

– Я видел, – продолжил Максим, медленно подбирая слова, – как ты... Как будто бы уходил в себя. То есть, я смотрю на тебя, а вижу другого человека. Не уверен, что ты в этот момент вообще человек. У тебя всё идёт наперекосяк, злишься, а потом раз – и всё сразу получается! Ещё взгляд серьёзный, злой. Мне и самому страшно становится, потому что это уже не Женя, а монстр. Как ты это делаешь?

– Монстр, ну ты скажешь! Не знаю, я просто закрываю глаза и... – я задумался о том, что в этом такого особенного. – И блокирую всё, что мне мешает. Шумы там всякие, мысли. Ну ты понял. А когда тебе ничего не мешает, не так уж сложно играть.

– То есть, ты просто блокируешь мысли?

– Просто блокирую.

– Монстр.

– Монстр-блок, – тихо пошутил я.

– Монстр-блок?

– Монстр блок!!!

Я усмехнулся, а Макс захохотал так, как будто включился папин автомобильный насос, от чего мне стало ещё смешнее. От смеха заболели животы, мы попадали с шведской стенки, как мешки с картошкой.

Долго прокручивал разговор с Максом в голове. Мне было так приятно, как будто я нашёл смысл жизни. Ну ладно, не жизни, но своего нахождения на площадке.

Дома прямо с порога заявил маме: мне нужен турник и мяч.

– Во дела! А мне нужны твои хорошие оценки в школе. Вчера домашнюю работу на проверяла, так ты без неё и пошёл в школу. Если так будет продолжаться, ты этот мяч ещё долго не увидишь.

– Ну мам!

– Что «мам»? Чем ты занимался вчера вечером?

– Учил волейбольные позиции...

– Понятно. Ладно, иди ужинать, потом поговорим.

Я ушёл мыть руки, а мама продолжила стоять, видимо, чтобы поговорить с папой. Папа на ужин не пришёл. Ковыряясь в котлете, я думал о том, что мне совершенно не хочется делать домашку, что мне школа безразлична, в отличие от волейбола. И что мама действительно может запретить ходить на волейбол, если я забуду на школу. Есть тоже расхотелось. Точнее, есть хотелось, но настроение не то.

Мама стояла в фартуке у плиты; сковородка то изрыгала столб пара, шипя и пощёлкивая, то умолкала под давлением прозрачной крышки. Со стороны это казалось какой-то борьбой с драконом. Вот и я сижу в заточении, в башне под названием «школа», окружённой рвом из домашки и под охраной маминого котлетошного дракона.

– Ну как там тренировка-то? Хорошие ребята? – хорошо, что мама не оборачивалась и не видела, что я ничего не ем.

– Хорошие, – буркнул я.

– А тренер хороший?

– Хороший.

– Дай угадаю, и поиграли хорошо?

– Хорошо.

– Понятно. – мама выключила огонь, сняла фартук и села напротив меня.

– Ты говорил, что тебе нужен мяч и турник. Расскажи, это тренер дал задание? Что за упражнение?

Я поднял голову, и объяснил, что занятия на турнике могут увеличить рост, а если тренироваться с мячом у стенки, то можно улучшить верхнюю передачу. Да так разговорился, что рассказал и про строгого, но справедливого Леонида Геннадьевича, и про неприятного Никиту, и про неуклюжего Максима, про слабое звено, про замену и про стенку, про желание стать лучше и научиться красиво раздавать пасы.

Я доел и ушёл в свою комнату, но тут хлопнула входная дверь. Папа. Когда вышел встречать, увидел, что в руках он держал волейбольный мяч.

– Мы тут с мамой посоветовались, – сказал папа, – и решили, что у тебя получится совмещать приятное с полезным.

– Давай будем чередовать. Делаешь домашнюю работу, отвлекаешься на упражнение по волейболу, а потом снова за уроки. – подхватила мама.

– А устные я могу делать одновременно! У меня есть читалка на планшете!

– Делай, как удобнее, но я приду слушать, как ты перескажешь... – мама посмотрела в дневник, – параграф по истории. Договорились?

Историю я рассказал с лёгкостью, но гораздо важнее, что я сорок три с половиной минуты простоял у стены с мячом!

Вместо упражнений с мячом я сразу же встал к стенке: эти два часа никто не будет меня отвлекать домашней работой, котлетами и прочей фигнёй. Тем более, что тренер показал технику нижней передачи. Левая рука обволакивает кулак правой руки, а большие пальцы становятся стрелочкой и указателем, в какую сторону полетит мяч. Мой указатель направлен только в сторону академии!

Время на тренировках летело незаметно. Я стоял у стены, чтобы потом ворваться на площадку на совершенно другом уровне. Меня не волновало, что происходит за моей спиной, кто как играет, да и я никого не интересовал. Или почти никого...

В раздевалку вошёл Никита.

– Вот это жарница сегодня была! Картоха, я тебя просто обожаю, стоишь там, галок ловишь, мяч прям просится к тебе! Лысый, а ты когда хотя бы через сетку начнёшь перебрасывать? Лысый!

Ребята начали хихикать.

– Или тебе солнце печёт? Так смешно от лысины отсвечивает!

Смешки превратились в хохот, и Никита, скрыв улыбку, начал изображать «Лысого», который неправильно согнул руки для приёма и поглядывает в окно, повторяя при этом «лысый, лысый!»

Никите прилетел подзатыльник, а ребята от смеха застучали по скамейке, кто-то даже упал на пол.

– Я-то лысый? – прозвучал мужской голос.

– Да не вы, Леонид Геннадьевич, – потирая затылок, обиженно сказал Никита. – Вон у нас Лысый сидит.

– «Лысый» хотя бы не халтурит, когда ему говорят в планке стоять. Твоя пустая бутылка?

– Моя, – виновато произнёс Никита

– Мусор не разбрасывай.

Тренер ушёл.

– У кого вода есть? – сказал Никита, копируя уверенную интонацию тренера.

Никто не отзывался, Лысый демонстративно допил свои два глотка, и Никита, озираясь, подошёл к моей сумке, достал оттуда воду и отпил.

– Жене вода не нужна, он не устал стенку подпирать.

От такой наглости я почувствовал, что становлюсь «слабым звеном» не только не площадке, но и в раздевалке. Я поднялся со скамьи и потянулся выхватить бутылку назад, но Никита прикрыл её спиной.

– Ведёшь себя, как идиот, – я старался не делать резких движений, хотя предплечьем уже чувствовал своё учащённое дыхание.

– Сам как идиот, не дорос ещё обзывать, карлик.

– Ты на рост не смотри. Придёт время, и я буду обыгрывать тебя вместо разминки.

– Д я уж помру, когда на площадку выйдешь.

– Сам сказал, что помрёшь!

Никита нахмурил брови, подождал секунду, пока я посмотрю ему в глаза и сделал рывок в мою сторону, но ребята вовремя схватили его, и до драки не дошло.

– Только и умеешь клоунаду устраивать, – говорю я.

– Ты сам его провоцируешь! – буркнул Макс.

Ладно, молчу. Никита тоже подуспокоился, но напоследок сказал:

– Через месяц сдача нормативов. Там и посмотрим, кто из нас лузер. И бутылку вонючую заberi, мусор тут разводишь.

1.4

Я был уверен в своей победе. Никита — это про опыт на поле, не думаю, что он может что-то показать за его пределами. Ну выше он меня, и что с того? Нашёл, чем гордиться. Какой толк от роста, если не тренироваться.

Во дворе соседнего дома рядом с детской площадкой нашёл перекладину. Теперь каждое моё утро начиналось с него: повисеть перед школой, повисеть после уроков. На физкультуре можно повисеть, если зал открыт. Иногда получается подтягиваться. Дома – планка, пресс (уже получается не держать ноги!) и отжимания. И мама больше не ругалась, наоборот, говорит, у меня как будто память улучшилась – настолько привык слушать учебник, пока выполняю упражнения у стенки.

На сдачу нормативов пришла и Наталья Вячеславовна, и Леонид Геннадьевич. Я приехал пораньше, чтобы лучше размяться, а Никиту встретил уже перед самым началом. Не сказав ни слова, мы пожали друг другу руки. Моя ладонь была немного вспотевшей, поэтому рука Никиты скользила, когда он начал сильнее сжимать. Тренеры были не в курсе нашего спора, только ребята поглядывали то на меня, то на Никиту, то на списки в руках Натальи Вячеславовны, чтобы смотреть очередность.

Первое упражнение, перемещение. Леонид Геннадьевич периодически свистел в свисток, но в остальном стоял у сетки, сложив руки на груди и озвучивал ошибки: «Неправильная нога! Ноги сгибай! Максим, быстрее! Спину выпрями, мы не в бобслее!»

Никита шёл прямо передо мной. Ребята выстроился с обеих сторон, как будто в очереди KFC, я же стоял чуть сзади, стараясь не показывать своё волнение. Никита уверенно подошёл к жёлтой линии, встал в стойку и ждал команды тренера. Свисток! Зал затих. Больше никто не разговаривал, не шептался, не издавал никаких посторонних звуков. Я услышал биение своего сердца. Приставным шагом заскользили кроссовки, оставляя за собой лишь скрипучее эхо.

– Четвёртая зона, – привычным громким голосом сказал Леонид Геннадьевич.

Пятка поднялась, показав протектор подошвы, и тут же умчалась влево.

– Вторая зона. Первая. Третья. Шестая.

Голова Никиты не оглядывалась по сторонам в поисках зоны, он прекрасно знал их расположение, взгляд был прикован к сетке. Если бы сейчас без свистка кто-нибудь сделал сильную подачу, Никита бы моментально на неё среагировал. Он подбежал к последней точке, и, не дожидаясь результатов, подбежал к Лысому, чтобы дать «пять». Это был финальный свисток, после чего половина поля, на которой стоял Лысый, бросились обнимать Никиту.

– Безошибочно. Превосходный результат, Никита! Пока лучше всех, – озвучил тренер.
– Жень, твой черёд.

Я подходил медленно. Шаг, и исчезли ребята с линий. Шаг, и из окна не светит солнце. Шаг, и за сеткой больше ничего не нет. Есть только я. И шесть зон. С четвёртой по вторую спереди, с пятой по первую сзади. Ноги согнуты, спина прямая, руки перед собой. Я сделал глубокий вдох, грудная клетка увеличилась, и на выдохе прозвучал свисток.

– Приставной! Четвёртая! Вторая! Первая! Третья! Шестая! Есть!

Никто не шумел, когда я закончил. Никто не поздравлял. Только тренер сказал: «Молодец. Можно делать шаг шире, но это не ошибка».

Это было простое упражнение, вряд ли Никита рассчитывал, что я здесь ошибусь. Передача сверху. Леонид Геннадьевич кидает мяч, нужно переправить его в обруч. Получалось не у всех: из десяти мячей нормой считалось попасть четыре-пять раз. Первый мяч Никиты прилетает в обруч. Вторым, третьим, четвёртым, ему не составляет особого труда попасть. Пять, шесть, семь, всё попадает в цель. Восемь, девять, тоже там. В том, что и последний мяч попадёт в цель, никто не сомневается. Мяч летит в «треугольник» Никите, но вместо того, чтобы выпря-

мить руки, он подбрасывает мяч над собой. Пока мяч летит в воздухе, Никита разворачивается спиной к сетке, встаёт под мяч и, выгибая спину и поднимая запястья «треугольника», отправляет мяч в обруч. Он специально встал так, чтобы не двигаясь с места, посмотреть на меня. Ну что же, я впечатлён!

– Никит, тебе как сказали выполнять упражнение? – комментирует тренер. – Одним касанием. Выпендриваться на играх будешь. Наташ, запиши ему девять, чтобы знал в следующий раз.

Он всё ещё смотрел на меня, а я улыбался. Улыбался, потому что сейчас я прилюдно обойду этого придурка. Встаю в центре площадки. Пролетая мимо лиц любознательных однолюбников, мяч вращается, перемешивая жёлто-синие полосы, и отказывается на чужой площадке – это был рикошет от руки, которая держала обруч. Мимо! Я сжал кулак и тут же закрыл глаза. Больше нет шанса обойти Никиту. Больше нет мяча, что улетел на ту площадку. Больше нет руки, что держит обруч. Больше нет усмешек по сторонам. Есть только я. Мяч. И обруч.

Один. Подхожу к мячу ногами, и в удобной позиции отправляю в цель. Два. Сгибаю колени, чтобы передача была мягче. Четыре. Выпрямляю руки, соблюдая технику. Пять. Чувствую мяч кончиками пальцев. Шесть. Смотрю туда, куда хочу отдать передачу. Семь. После передачи руки ненадолго остаются впереди меня, чтобы зафиксировать чёткое положение. Восемь. Меня не беспокоит текущий счёт, я борюсь только за этот мяч, который прямо сейчас оказывается в обруче. Девять.

Уходя с площадки, меня толкнул Никита.

– Мы видели твой промах.

– В тетрадь посмотри. Девять-девять, нормативы только начались. – Мы разошлись, как в боксе, по разным углам.

Дальше – нижние передачи над собой. Но я ни разу не пробовал набивать над собой! Разве что только от стены...

Ко мне подошла Наталья Вячеславовна.

– Женечка, держи мяч, буду считать. Засчитываю, если высота передачи над собой не ниже метра, хорошо? Давай, ты справишься.

Я посмотрел наверх. Яркая лампа слепила и оставляла чёрные пятна, когда отводил взгляд. Ещё раз посмотрел на лампу. Холодный свет растекался по потолку, шлифуя неровности и чёрные следы от мяча. На потолке появились синие стебельки, из которых распускались синие листики и пышные синие «маргаритки» с белой серединкой. Цветок заканчивался, за ним начинался следующий. Они образовали узор, за которым пряталась такая же синие китайские здания с их многочисленными этажами, по острой кругловатой крыше на каждой. Домашние обои для меня казались привычной обстановкой, в которой можно было набивать мяч много раз. Я подбросил мяч, посмотрел вверх на стену и сделал передачу в «стену», как будто находился у себя в комнате. Всё просто! После отскока так же, как и у стены, подойти ногами и снова сделать передачу. Леонид Геннадьевич был прав, когда говорил, что этот процесс успокаивает. Я даже начал повторять историю: в 13 веке на Китай напали монгольские завоеватели, почти сто лет Китай находился под их влиянием. В это же время Китай впервые посетили европейцы, это была команда Марко Поло. После свергнутой династии Юань...

– Всё, Женечка, хватит! Умничка, этого вполне достаточно.

– А сколько я набил-то?

– Ну как, я же вслух считала! Двадцать пять, для зачёта достаточно пятнадцати.

Меня моментально нашёл Никита.

– Ну что, сколько?

– Двадцать пять.

– Ха! А у меня – пятьдесят.

– Но меня остановили!

Он лишь пожал плечами и ушёл. Это ещё ничего не значит! Вот был бы у меня Леонид Геннадьевич...

Раздались хлопки. Леонид Геннадьевич объявил, что сейчас перерыв, и дальше начнётся общая физическая подготовка. Мы с Максимом переоделись в обычную одежду, чтобы взять в фойе кофе и пойти погулять во дворе школы.

В подтягиваниях я Никиту обошёл. Это была безоговорочная победа: десять против шести!

– Что, Никит, боишься, что я тебя обойду?

– Я? Боюсь? Да щ-щас!

Мне показалось, что он ушёл в раздевалку, хотя нормативы продолжались. Я последним должен был сдавать «пресс».

Леонид Геннадьевич держал ноги. Я подогнул колени, расположился на мате, завёл руки за голову. Начали! Раз, два, три, на четвёртый мне показалось, что в позвоночник что-то врезается. Что-то твёрдое, как будто я лежал не на мате, а на ракушечном пляже, на который больно опускаться, тем более, на скорость. Но времени останавливаться не было. Приходилось елозить вправо-влево, нащупывать спиной, где помягче и куда безопаснее опуститься. Силы тратились не туда, и в тренерской записной книжке у меня оказалось на восемь наклонов меньше, чем у Никиты. Тренеры ушли, а я решил посмотреть, почему мат оказался таким неудобным. Провёл рукой – действительно, прямо по центру было твёрдое возвышение. А когда открыл молнию и заглянул под синюю ткань, то на состарившемся поролоне оказалась горстка монет. Как они там оказались?

Леонид Геннадьевич уже делал разметку для прыжков в длину, отвлекать его на непонятную фигню не хотелось. Забрал мелочь, положил на подоконник. Я видел, как сдавал Никита: с его ростом прыгать легко! Вытягивает свои лыжные палки вверх, резко отводит их назад, чтобы мощно прыгнуть лягушкой вперёд.

Мне будет тяжело перепрыгнуть, но попробовать всегда можно! Тем более, что все ребята сбежались посмотреть. Даже Никита не стал ныкаться в другой угол и подошёл ближе ко мне. Стоит, ухмыляется, пьёт водичку, тоже мне...

Первая попытка. Трижды размахиваю руками, настраиваюсь, прыжок!

– Метр восемьдесят. Неплохо.

Вторая попытка. Интересно, сколько у Никиты? Прыгну ещё раз, а потом спрошу.

– Ух ты, метр восемьдесят семь! – Наталья Вячеславовна посмотрела в тетрадку. – Женечка, всего на два сантиметра отстаёшь от лучшего результата, ну-ка давай на рекорд!

– Угадай, чей, – говорит мне Никита.

Ухожу на исходную. Сейчас побьём, нужно попробовать прыгнуть немного выше! Раз, два, и-и-и... При приземлении нога поскользывается, я теряю равновесие и падаю на руку.

– Если смотреть по руке, где-то метр пятьдесят.

– Наталья Вячеславовна, – говорю, – тут вода разлита!

– Где? Ой, ну протри ботинком, там немного.

– Плохому танзору. Женечка. – передразнивает Никита, закрывая бутылку. – На челнок пойдём последними. В паре. Победитель забирает всё, проигравший остаётся ни с чем.

Непонятно, что забирает победитель, но я кивнул. Два тренера стояли по две стороны с секундомерами, замеряя каждого индивидуально. Нам же с Никитой это на руку, сможем до миллисекунды вычислить, кто же лучше всего физически подготовлен.

– Так, Никита, с кем хочешь бежать в паре? – спрашивает Наталья Вячеславовна.

– Женя.

Впереди за спинами кто-то произнёс затаенное «о-о-о-о!», зал подхватил. Наш спор перестал быть локальным. Теперь о нашем соревновании известно даже тренерам. Никита повышает ставки: это последний зачётный норматив, и победитель поставит жирную точку. Проиг-

равший же будет унижен при всех. Как жаль, что Никита ещё не знает, насколько я хорош в «челноке»... Предпоследняя пара закончила, остались только мы. Из-за спины вышел Никита и хотел пройти вперёд, а когда зашёл за меня, пяткой наступил на ботинок. Попал прямо по пальцам! Я схватился за ногу.

– Ой, извини, наступил.

В его словах не было ни капли сожаления, он улыбался. Какая же грязная игра! И жаловаться, как уже понял, бесполезно. Остался только один выход: бежать.

– Ребята, давайте пока мальчики будут бежать, мы их поддержим!

Максим прервал тишину и крикнул «Же-ня», пока его не прервал оглушительный хор: «Ни-ки-та! Ни-ки-та! Ни-ки-та». Моё имя было не слышно. Хромая на правую ногу, подошёл к линни и присел для нижнего старта. Ни-ки-та! Ни-ки-та!

Я закрыл глаза. Больше не хотелось вспоминать про монеты. Забылось падение на руку. Боль в ноге прошла. Остались только я. И фишки.

Свисток! Раз фишка, назад, два фишка, на-зад, три фишка, на-за-д. Финиш оказался громким, да ещё и Наталья Вячеславовна поддержала:

– А теперь давайте трижды скажем «Молодцы»! Никита и Женя сегодня показался самые лучшие результаты, во многих нормативах преуспевая с отрывом!

Мы ждали оглашения результатов. Мы были готовы засчитать каждую секунду, миллисекунду, мили-мили-миллисекунду, лишь бы был победитель!

Наталья Вячеславовна подошла к Леониду Геннадьевичу. – Лёнь, за сколько Никита пришёл? Я что-то засмотрелась, забыла вовремя выключить. Они одновременно финишировали, давай эту же цифру впишем.

Мы с Никитой от недовольства одновременно взмахнули руками, как будто выполняли элемент из синхронного плавания.

– Это не означает, что у нас ничья. – сказал Никита, снимая футболку. – Это означает, что мы теперь – вечные соперники.

Он произнёс не со злобой, нет.

Эти нормативы дали Никите понять, что теперь он не единственный перспективный волейболист в секции. Грязной игрой он показал, что боится перестать быть самым-самым. А меня он начал уважать. После нормативов начали уважать и тренеры: сказали, что теперь мне нужно набираться игрового опыта. Часто ставили на упражнения в пару с Никитой: он рядом со мной был более увлечённым волейболом, а я старался изучать его игровые лайфхаки. Но мы не друзья, нет. Каждую игру нас ставили капитанами: по очереди набирали себе игроков сначала он, потом я. Или наоборот. Соревнования продолжались каждую игру, каждую партию, каждое очко. Это было противостояние игрового опыта и характера.

Наталья Вячеславовна и Леонид Геннадиевич начали натаскивать нас на позицию. Оно и понятно: к пятнадцати годам начали проявляться сильные стороны игрока, и «примеряя» позиции можно определить, насколько она подходит игроку. Моя позиция была вынужденной. Чтобы остаться в волейболе, из-за невысокого роста я должен был играть связующего. Не то, что Никита: его же рост позволял выбрать любое место на площадке, но ленивый засранец как будто мне назло стал центральным блокирующим. Ему нравилось стоять у сетки и смотреть на всех свысока. Он даже не прыгал: чтобы забить мяч, ему было достаточно вытянуть руку вверх, стоя на месте. Тоже мне, столб фонарный.

Наталья Вячеславовна теперь приходила на каждую тренировку, чтобы после разминки рассказать нам тактическое упражнение, которое вместе с Леонидом Геннадиевичем будем оттачивать на практике. Но мне этого было мало. В интернете попадался один шлак, интервью, обзоры игр, невнятная инфа для новичков, которую я и так знал. Найти что-нибудь о расстановке – что искать иголку в стоге сена. И только Наталья Вячеславовна объясняла так, что любая задача казалась лёгкой: стог сена можно сжечь, провести над пеплом магнитом и вот всё, что ты хочешь знать, уже написано маркером на белой доске. Она была мне как любимый учитель, а я, как покорный ученик, приходил после тренировки в раздевалку и конспектировал.

Я слушал все её комментарии, даже если они никак не относились к моей позиции связующего, и заметил, казалось бы, очевидную вещь, которую как будто упустили из виду:

– Наталья Вячеславовна, а почему у нас в команде нет либеро?

Объяснение было простое: нельзя заставить игрока изменить позицию, если он того не хочет. Это как природные инстинкты, когда мяч висит над сеткой, один прыгнет, чтобы ощутить азарт верховой борьбы, другой же попытается назад, чтобы было больше шансов этот мяч принять. Леонид Геннадиевич внимательно следил за этими рывками, и не всегда получалось, что желания совпадали с физическими данными. Максим хочет высоко прыгать, но лишний вес тянет его вниз. Каждый хочет забивать, никто не любит защищаться, а либеро – единственный игрок, который не может нападать. Ему даже вход на переднюю линию запрещён: для него прыжок с этой зоны будет игровой ошибкой. И раз эта позиция такая редкая, что из двадцати человек нашей секции никого не нашлось, мне вдвойне было интересно узнать, как либеро движется во время игры. Мы провели несколько часов после тренировки, обсуждая тонкие нюансы игры, которые в целом мне, наверное, никогда и не пригодятся.

Центральный блокирующий, помимо того, что выставляет блок, должен уметь неожиданно атаковать. Никита забивал быстрые мячи, я же был тем человеком, который эти мячи поставлял. Только стояли мы на разных сторонах площадки. Иногда, когда он подлетал над сеткой, я думал: а что было бы, если бы мы играли вместе? Два капитана, два самых сильных игрока в команде вместо противников превратились бы в мощное оружие. Я отдаю пас. Он забивает. Но нас отделяла сетка, чёрная, непрозрачная, длинная, похожая на рыболовную сеть, которая собирала мои мысли и не давала им осуществиться.

Партия 2. Валун и зелёные спины

2.1

На улице было прохладно и ветрено. Я присел завязать шнурки, как прилетел пинок под зад.

– Прощай, Женя! – Никита был на удивление в настроении.

– Чего это прощай-то, на следующей неделе увидимся.

– Не-не. Больше не увидимся. Завтра «Металлург» в академию набирает. Всё уже решено, меня взяли. Одна формальная тренировка, и я в клубе!

– Ты сейчас серьёзно? Как ты на неё попал?

– Рекомендация тренера. А тебя он нарочно не позвал. Может, играешь ты и хорошо, но посмотри на себя, хлюпик хлюпиком.

– Не хлюпик я.

– А ты докажи! Всё сопельки подтираешь. Был бы мужиком, давно бы уже играл в клубе.

– Вот и буду. Завтра я приду на тренировку вместе с тобой и пройду отбор, даже без рекомендации тренера и всяких договорённостей.

– Не сможешь. Мамочка забеспокоится, учителя потеряют, тренер начнёт спрашивать, где же наш Женечка? А Женечка вдруг взбунтовал и свалил. Ага. Если такой умный, давай. Покажи. Завтра в 12 в спортшколе у Ново-Садовой.

Никита был абсолютно прав. Если мама узнает, что я прогуливаю школу перед экзаменами, убьёт. А если Metallurg действительно проводит отбор? Для чего я три года хреначил у стенки, чтобы тренер похвалил, какой я молодец? Толку от того, что я занимаюсь спортом, я хочу не просто время прожигать после школы, я хочу играть профессионально! Нужно устроить побег.

Мама должна думать, что я в школе. Значит, нужно быстро сделать домашку и собрать портфель, чтобы ничего не заподозрила. ОГЭшные книжки занимают много места, кроссовки не поместятся, я пойду сразу в них. Форму тоже надо как-то надеть, видимо, под школьную. Хорошо, что футболка у меня белая, под рубашкой будет не видно. До школы меня подвезут на машине, а Ново-Садовая на другом конце города. Интересно, сколько сейчас стоит такси. На месте расспросить, как попасть в зал. Чёрт, как же всё не забыть... Достая ручку, на запястье пишу:

ДОМАШКА

БОТИНКИ

ФОРМА

ДЕНЬГИ НА ТАКСИ

КУДА ИДТИ

Если Никита соврал, мне трындец. Прихожу домой, переодеваюсь, сажусь за стол. Молчу, чтобы не ляпнуть лишнего. Главное – не спалиться.

– Жень, а чего ты руки помыл, а ручку не стёр? Что там у тебя?

– Э... Расстановка, мам, на тренировке было запомнить проще.

– И что вы, с ручкой носились по спортивному залу?

Вот чёрт. Нужно не молчать, нужно не молчать, быстрее!

– Тренер дал!

– И многим тренер у вас на руках пишет? Ладно, вот, держи курочку.

Фух, больше я ничего бы не смог придумать остроумного. Надо бы теперь эту надпись...

– Сиди, потом отмоешь свои каракули!

Весь ужин я сидел с опущенной под стол рукой, как будто скрывал пистолет. Совсем не подозрительно! А лучше бы пистолет, потому что врать я не умею, и сидеть сейчас улыбаться хуже, чем принимать силовую подачу. Ладно, не всё потеряно, нужно следовать плану.

– Мам, я сделал, хочешь проверить? – спросил я спустя пару часов.

– Чего ты, сам не проверишь? Девять часов, всегда бы так рано заканчивал!

– Да там устно просто, хочу завтра попробовать ответить. – я спалился второй раз. Ещё и соврал, что выступать буду, придётся ещё завтра врать, как училка по обществу хвалила.

– Ну хорошо, давай я только твою форму в стирку загружу.

– Мам. До тренировки ещё почти неделя, а общество уже завтра! Давай потом.

Про форму она действительно забыла, хоть в чём-то мне повезло.

На следующий день я встал раньше будильника. Внутренние часы работают, значит, удача сегодня будет на моей стороне. Чёрт, телефон не зарядился! И чернила так и не отмыл. Пути назад нет, тогда сверяемся по списку.

Мы выходили с мамой вместе, а я всё ещё был в туфлях. Нужно постараться не суетиться, чтобы не получилось, как вчера. Нужно пройти два этажа, и на лестничной клетке моя сцена.

– Планшет забыл, дай, пожалуйста ключи, забегу быстренько.

– Хорошо, я пока машину разогрею.

Конечно, планшет был у меня в портфеле. А теперь у меня появилась возможность не только переобуться, но и вообще выкинуть ненужные тетрадки, чтобы не носить тяжесть.

Дорога казалась невыносимо долгой. Мама тихонько напевала песни, а я вцепился в ремень безопасности, как будто он может помочь.

Школа.

– Мам, я после школы к Максиму ненадолго зайду в гости, – и после одобрительного кивка захлопнул дверь.

Теперь помахать ручкой и сделать вид, что иду в школу. Как только машина отъезжает, достаю телефон, чтобы вызвать такси. А он разряжен! Придётся ловить такси на улице.

В машине с шапками на крыше сидел нерусский мужчина в белой майке-алкоголичке, сквозь которую на груди проступали пятна пота.

– Здрасьте, скажите, спортшкола знаете где?

– Здравствуй, дорогой! Конечно знаю, садись! – он отодвинул переднее сиденье, до этого стоявшее вплотную к бардачку, я захлопнул дверь. – Каким видом спортом занимаешься?

– Волейбол.

– Нравится играть, да? На соревнования едешь?

– Нет, серьёзней. Отборочная тренировка в Металлург.

– Так вот, как выглядит будущее поколение спортсменов! Смотри мне, чтобы через пять лет я пришёл на трибуны, а ты был уже на площадке! Я, знаешь, в своё время был главным болельщиком Металлурга! На самом последнем ряду стучал в барабаны. Бум, бум! Бум, бум! Это не барабаны, так стучали наши сердца!

Мы ехали уже полчаса, и всё это время он рассказывал про то, как Металлург играл с поляками на нашем «Шарике», как просил пассажиров включать трансляцию, пока он был за рулём, как «Шарик» из нового зала превратился в «сдутый мяч», и что ремонт там не делали уже лет двадцать как. И тут ляпнул такую фразу:

– На Чапаевскую же едем?

– Какая Чапаевская, Ново-Садовая!

– Ах, Ново-Садовая! Без проблем, дядя Фархад сейчас быстро довезёт. – Он, не включая поворотника, развернулся прямо здесь, на середине дороги. Он продолжил рассказывать про волейбол, но я его не слушал. Проверить маршрут по навигатору я не мог, поэтому на всякий случай смотрел в окно, чтобы потом мог рассказать хоть какие-то опознавательные знаки полиции.

Вопреки моим страхам, на адресной табличке действительно была Ново-Садовая. Стену здания у главного входа украшала советская мозаика: три атлета с одной стороны и олимпийский мишка с другой. Внутри – турникеты. Я сидел на лавочке перед ними, когда подошёл охранник.

– Кого-то ждёте?

Я кивнул. Кого-то жду. А кого я жду? Тренера, которого ни разу не видел? Никиту, который будет ждать меня с хлебом и солью? Чуда? Но я ждал. Наверное, сейчас пойдут люди, может, ребята с родителями, кто-то со спортивной сумкой или как я, в кроссовках. Но никто не пришёл. Если Никита не соврал, то отборочная тренировка должна была уже десять минут как идти.

Мне было страшно спрашивать охранника. Мне всегда страшно спрашивать незнакомых людей, и если с таксистом было понятно, что ездить по городу – его работа, то охранник мог вообще ничего не знать про волейбол. Что он тогда обо мне подумает? А если знает, то тем

более засмеёт, целый час сидел в ожидании непонятно чего. Ждал подходящий момент, говорил про себя «вот сейчас, вот сейчас». Когда настенные часы показали 12:20, до меня дошло, что возможно, прямо сейчас я упускаю свою мечту.

– Извините, – сказал я охраннику, но тот уходил от меня в сторону коридора.

Охранник не услышал. Тогда я встал на скамейку, перебросил ноги через турникеты и прыгнул на закрытую от меня территорию, чтобы подойти к поближе к охраннику.

– Э, ты куда пошёл??? – отреагировал он мгновенно.

– К вам иду! Извините, что перелез, вы не знаете, где зал волейбольный?

– Ты знаешь, что за такое штраф можешь получить? Денег много, умник?

– Вы не знаете, где волейбольный зал, – повторил я.

– Вход с обратной стороны здания, – он недовольно буркнул. – Ты назад собираешься перелезать? Стой уже, сейчас открою.

С обратной стороны было открыто. Ни турникетов, ни охранников, какой тогда толк ставить их на главном входе – непонятно. Указатели были выполнены в виде фигурок с видами спорта: силуэт в воде – налево, силуэт с «конём» – направо, силуэт с волейбольной сеткой – направо и ещё раз направо. Там уже были слышны стуки мячей о стену. Где раздевалка, я понятия не имею, поэтому снял школьную форму прямо в коридоре, накрыл кофтой свой портфель и вошёл в зал.

Не обманул Никита!

Зал был раза в три больше, чем наш. Оранжевое поле, белые линии, несколько метров он конца площадки до ближайшей стены. А потолок! Настолько высокий, что не добыю до него, даже если пну мяч ногой. На втором этаже располагался балкончик с трибунами, на котором сидели несколько мамаш, отцы, залипающие в телефоны, а малыши играли в догонялки, прыгая с одного ряда на другой. Рядом с одной из таких семеек сидела девушка с длинными яркими ногтями. Интересно, кому повезло с такой красивой сестрой? Её не особо интересовало, кто был на поле – а вот те, кто были на поле, как раз наоборот, часто посматривали в её сторону.

Прозвучал свисток. Мужчина со свистком не был высоким. Морщинистый, с немного седыми волосами и невероятно накаченными руками, крепкий, как валун! Если бы он кому-нибудь дал подзатыльник, тот ещё бы полгода лежал с черепно-мозговой травмой.

– Значит, сейчас все встаём в линию, только вас много, давайте вот сюда по сетке и за меня, если места не будет. – Он вышел на середину. Его голос был низким, а все слова сопровождались быстрыми жестами. Не успеешь проследить за его руками – всё, уже не знаешь, куда идти. Нужно быть внимательней.

– Оглашаю списки. – По ощущениям, было человек тридцать. Естественно, меня в этом списке не было. – Всех назвал?

– Меня не назвали. – я поднял руку, а когда на меня обратили внимание, сделал шаг вперёд и назвал фамилию.

– Нет такого. А тренер у тебя кто?

– Леонид Геннадьевич.

– У меня этих Леонидов знаешь, сколько... Как фамилия тренера, который сюда направил, – в его интонации было понятно, что он хочет побыстрее перейти к просмотру, а мы лишь тратим время.

И тут я завис. За три с половиной года я ни разу даже не поинтересовался, какая же у тренера фамилия. А если Никиту направлял вообще не он, а какой-нибудь индивидуальный тренер? Или связи? Если продолжу молчать, все поймут, что я самозванец. Под общий хохот выйду из зала, надену свою позорную школьную форму и попрусь домой, где будет ждать мама с истерикой, почему я прогуливаю школу и где вообще был, в школе начнутся проблемы...

Тут у сетки кто-то крикнул:

– Лебедев Леонид Геннадьевич, мы вместе пришли. – Это был Никита. Как же я рад его видеть!

– Хорошо, после тренировки подойди ко мне, запишем. Значит, сейчас давайте немного разомнёмся по парам и начнём.

Валун выкатил тележку с мячами. Вокруг неё образовалась толпа, в которую совсем не хотелось лезть. Из толпы вышел Никита.

– Чего лыбишься, дальше помогать не буду, дальше сам. – Он кинул мяч в живот, но я успел поймать. – Пойдём на ту сторону.

Никита разминался вполсилы. Для него эта тренировка была не отбором, а показательной игрой, просто появиться, сказать, что на месте, и уже в клубе. Для меня же сегодняшний день стал лотереей. Каждую минуту я нахожусь на грани фола, но пока есть хотя бы малейший шанс попасть в академию, я буду в игре.

– Сейчас давайте разобьёмся по позициям. – Валун подошёл к нам с Никитой, развернулся в сторону сетки и начал размахивать руками, – Значит, диагональ, доигровка остаются на моей стороне, связка, ЦБ и либеро на ту.

Пока Валун рассказывал упражнение на той стороне, мы с Никитой ушли на другую. С правой стороны тянулись шесть, семь, нет, девять связующих, я буду десятым. Из десяти дай бог пройдёт один. Смогу ли я стать тем самым «одним»? Буду ли я лучше всех смотреться? В прошлый раз, когда я поставил свой уровень игры выше остальных, два месяца пришлось догонять у стенки. А может, наоборот, у меня получится прыгнуть выше головы? В левой стороне стояли шесть «блокирующих», возглавляемых Никитой. Вот, кому сейчас плевать на конкуренцию!

Передо мной стоял выбор. Идти на позицию, на которой играл три года в слабой надежде обойти девятых конкурентов или сказать, что я центральный блокирующий с ростом 170, да ещё и на позицию, где уже один человек отобран. Если весь день мне удавалось балансировать над пропастью, то сейчас я почувствовал, что теряю равновесие.

2.2

– ...и ещё мне нужен один либеро. Либеро, сколько вас, двое?

– Трое, – крикнул я.

– О, отлично, иди как раз сюда.

Я? Да ещё и либеро? В жизни бы не подумал, что человек, который мечтал отражать мячи у сетки, по итогу будет стоять от неё дальше всех. Мне стало смешно, но когда увидел руку Валуна, которая поторапливала, словно жезл регулировщика, страх вернулся.

– Сейчас вы, – он обратился к диагональным, – встаёте с краю, даёте мне пас. Я перевожу на либеро, либеро мне доводит, и выходите на удар. Ничего сложного, обычная разминка на сетку.

Я стоял в центре площадки. Мне известно, как сетка выглядит для связующего: большая, симметричная, всегда видна боковым зрением. Сейчас же сетка была совершенно другой. Её загораживали спины, и только одно морщинистое лицо смотрело в мою сторону. Удар. Я опоздал на общую разминку, поэтому ноги меня не слушались. Мяч прошёл мимо меня, и я даже не дёрнулся, чтобы попытаться его отбить.

Тогда я упал, отжался и снова встал в стойку. Валун выпрямился и посмотрел мне в глаза. Кивнул Валуна, мол, ничего я готов, давай! Он усмехнулся, а образовавшаяся ямочка на подбородке стала похожа на авокадо.

Для либеро чрезвычайно важно успевать доходить до мяча ногами. И если мои ноги корнем вцепились в землю, то с корнем я их и вытяну. Удар – подойти ногами – принять мяч.

Валуна заменили другие связующие. Кто-то старался бить мне на силу, и тогда я продолжал отжиматься каждый раз, когда мяч отлетал в сторону. Кто-то еле переводил в его сторону, и тогда у меня появлялась возможность привыкнуть к новой технике: присаживаться ниже, выводить опорную ногу немного вперёд и расставлять руки шире, чтобы среагировать на неудобный мяч.

Наконец, мне тоже предоставили отдых. Я подошёл к Никите, который стоял в очереди с мячом.

– Ты как? – говорю ему, чтобы занять себя разговором и не выглядеть потерянным.

– Да я вообще в шоке с того, что ты творишь!

Я улыбнулся. Никита, несмотря на то что играл на расслабоне, выделялся на фоне остальных. Его удары были хлесткими и летели близко к передней линии (что не так-то просто!) А после удара он выглядел спокойным, еле сдерживая высокомерную усмешку. Как вспомню его год назад на тренировках, так сразу же смеяться хочется: тогда он выглядел так, как будто все полтора часа за ним гнался рой пчёл.

Несколько упражнений прошли без либеро, поэтому я забрал себе мяч и терпеливо ждал у стенки. Подходил ближе, уходил дальше, переходил с одного упражнения на другое. Если сейчас потеряю концентрацию, то весь оставшийся отбор пройдёт мимо меня. На площадке я оказался уже во время подачи. По привычке стал за пределы поля и пару раз ударил мячом о пол, чтобы сосредоточиться на подаче.

– Значит, либеро остаётся на приёме, доигровка принимает над собой и уходит на подачу.

– Передняя линия уходила за пределы поля пунктиром, оттуда раздавал команды Валун.

И тут я вспомнил, что заявился на позицию либеро. Я же не участвую в подаче! Мяч, что держал сейчас в руках, нужно передать кому-нибудь из игроков нападения. В момент, когда попрощался с мячом, я понял, что так никогда и не смогу почувствовать азарт от забитого мяча. На тренировках единственная возможность забить мяч для меня была как раз на подаче. Никто не требовал от меня передать мяч другому, никто не ставил блок. Мне нравилось перед подачей смотреть на соперников: один плохо принимает, поэтому можно направить мяч ему

в руки; другой плохо двигается, и можно подать близкий мяч прямо перед его носом; третий наверняка не сможет разобраться, кто должен принять мяч, если он полетит в точку между игроками – это называется «зона конфликта». Но либеро не подаёт подачи. Никто меня не заставлял, я отказался от всего добровольно.

– Если можете силовую, подавайте силовую, нет – грузите планером, сейчас ваша задача показать всё, что умеете.

Я ненавижу планер. Планер – это такая подача, после которой мяч не крутится. И от того, что никакого вращения нет, мяч летит криво, постоянно меняет траекторию, как алкаш в парке.

Пока я думал о планере, сильный мяч прилетел мне в лицо. В глазах потемнело, я ушёл с поля. Крови нет. На той половине поля игрок поднял руку, видимо, он мне и зафигачил. Никита! Ну конечно, кто же ещё. В глазах всё ещё было мутно и немного плыло. В прошлый раз мне так прилетало на моей самой первой тренировке. Так же Никита попал мне в голову, и стоял я на том же месте, что и сейчас. Может, это снова сигнал, что я пока не дотягиваю до общего уровня? Сетка казалась недосягаемо громадной, но даже на такой высоте появились руки, вылезли на нашу площадку, а за ними появилось бородатое лицо Ивана Алексеевича. Прости, Иван Алексеевич, мне никогда не стать таким же, как ты. Не отражать мячи на двухметровой высоте, не видеть чужую площадку сверху вниз, не оказаться измалёванным ручкой на школьной парте.

Уйти домой и не разу не надеть футболку Металлурга, или же поступить в академию, но всю волейбольную карьеру смотреть на сетку издали – не знаю, что хуже.

Ко мне подошёл Валун и заботливо спросил:

– Всё в порядке, нашатырь не нужен?

Я покачал головой.

– Не переживай, всякое бывает. Посиди, если будет лучше, возвращайся в игру.

Для меня казалось невероятным, что такой, казалось бы, суровый мужик решил позаботиться обо мне. У него есть свои задачи, отсматривать игроков. Их у него под тридцатку, а я для него кто, сын родной, чтобы беспокоиться? Наверное, это показатель профессионализма: что бы ни происходило на площадке, здоровье игроков для него важнее. Как бы я хотел оказаться в его команде!

Голова прошла. Нас разбили на команды. Партия короткая, без переходов, и мне предстояло впервые в жизни попробовать себя в роли либеро. Я вернулся – а значит, Валун особенно внимательно будет смотреть на мою игру. Меня, наверное, он уже запомнил, осталось только показать свои навыки на площадке.

Но как? Шесть совершенно незнакомых игроков будут перетягивать одеяло на себя в надежде, что именно он забьёт самый красивый мяч. Как будто за ними смотрел не тренер академии, а съёмочная группа МатчТВ. Но либеро не забивают мячи.

У каждого игрока разный опыт, разное игровое время, разные представления о волейболе. И если сейчас каждый будет показывать свою сильную сторону, то моё преимущество будет заключаться в теории от Натальи Вячеславовны. Может быть, я единственный знал о правильном перемещении каждого из игроков, может быть, я один знал больше теории, чем все, кто сейчас на поле, вместе взятые. И если я могу помочь своей команде подсказками, то нужно это сделать прямо сейчас. В команде из случайных игроков нет капитана, и кажется, пришло время им стать.

Первостепенная задача либеро – принимать подачи. Если подразумевается, что либеро – игрок с лучшим в команде приёмом, то я должен взять на себя этот мяч. Первая подача шла чуть левее меня. Если бы я был на тренировке Леонида Геннадьевича, я бы мяч не брал, потому что игроку слева было принять удобнее. Но я – либеро, и любой мяч, до которого могу достать в защите, будет моим. Вот причина, по которой побежал к мячу, и буквально выталкивая левого игрока, с криками «я!» принял мяч. подача оказалась несильной, поэтому довести до связующего было несложно.

Мяч перебросили на ту сторону, и теперь атака шла на нас. Первое касание, второе... Игроки нашей команды выстроились в двойной блок, но связующий дал пас спиной – и уже с другой стороны летел игрок, чтобы заколотить мяч. У сетки – никого! Бей, куда хочешь! Будь я у сетки, обязательно успел сделать рывок, вытянуть длиннющие руки и как будто молотком отразить мяч прямо в площадку соперника, «монстр-блок!», скандировал бы стадион!

Но я – либеро. И если у сетки никто не сможет заблокировать, то не дам забить я. Сделал вдох и на секунду задержал дыхание. Блокирующие, которые не угадали направления мяча, исчезли. Игроков моей команды, которые могли бы отразить мяч, нет. Есть только я. И атакующий игрок. В какую точку он смотрит, куда сейчас пробьёт? Будет ли он стараться ударить ближе к сетке, чтобы удар получился сильным. Либо он ударит в сторону, в пустую зону, которую оставили блокирующие. Но игрок смотрел на меня. Есть небольшая хитрость, которую любят использовать против неопытных игроков: ударь чуть выше головы соперника, и он не успеет перестроиться на сильный мяч приёмом сверху. Пропустить мяч, в надежде, что мяч пройдёт выше и попадёт в аут? На первой тренировке я так и поступил – и в итоге он попал в поле. Нет. Нужно рассчитывать только на себя. Я сделал шаг назад и приготовился, что мяч попадёт точно в меня. Игрок коснулся ладонью мяча. Мяч опустился точно в мои руки, и я

почувствовал на запястье жжение, как будто кто-то ударил линейкой по рукам. Но мне нравилось жжение. Эта боль – мой щит, моя броня, моё оружие.

Тут я вспомнил ещё об одной обязанности либеро: страховать мяч после блока. В первом розыгрыше я не успел до мяча. Но успею в следующий раз! И когда связующий только разворачивался в сторону, куда очевиднейшим образом даст пас, я уже стоял под сеткой и ждал мяч. Реакции хватает, но несмотря на то, что мяч летел точно в меня, я не смог его поднять. Я лежал на полу и смотрел, как мяч прыгает, убегает от меня по площадке. Мы потеряли три очка на одной и той же комбинации. Тогда я подошёл к блокирующим:

– Все удары идут в диагональ. Выставь в последний момент руки в сторону!

И когда этот кривой мяч оказался заблокированным, я подпрыгнул и крикнул «есс!»

Игра вышла сложной. Мы проиграли даже не знаю, с каким счётом, и многие из проигранных мячей были на мне. Сколько бы я ни радовался отбитым мячам за игру, их недостаточно для того, чтобы выиграть партию. Если на отборе будут выбирать игроков из победившей команды, то я в пролёте.

Мы сели на лавку. Больше не будет ни партий, ни упражнений, эта игра была последней. Я сделал всё, что мог.

Прозвучал финальный свисток и ребята, спотыкаясь о мой портфель в коридоре, ушли в раздевалку. В коридоре стояла та невероятная девушка и болтала с каким-то парнем, затем к ней подошёл и Никита. Я же решил выходить последним, и на случай, если больше никогда не вернусь в этот зал, насладиться его видом. Я запомнил эту площадку, заполненную людьми, но никогда не видел пустого поля. Высокие потолки дают ощущение чего-то торжественного и грандиозного. Например, когда приходишь в театр, смотришь на эти кулисы под потолок, представляешь, что уже скоро перед тобой развернётся такое же большое зрелище. Правда, в нашем театре таких потолков нет, поэтому, наверное, мне он и не нравится. А вот спортивный зал! На стене красовался баннер «Кубок молодёжной лиги» со спонсорами. Наверное, именно здесь проходили соревнования. Хорошо, что этот баннер я впервые увидел, сидя на скамейке в зале, а не на зрительских местах.

Мне было интересно, сколько смогу просидеть до того, как меня прогонят. Наконец, кроме меня остался в зале только Валун, который должен был отправить меня домой.

– О, хорошо, что ты не ушёл! Мне нужно записать номера телефонов твоих родителей, чтобы позвонить, если пройдёшь отбор. Расписание тренировок, значит, место и время сбора, всё расскажем потом.

– Думаете, пригодится телефон? – в шутку спросил я, но всё же продиктовал номер мамы.

– Парень, нам нужны толковые либеро. Техника, уровень игры, это всё понятно, но для детского уровня куда важнее желание играть. Надо ещё не забыть позвонить твоему тренеру, выразить благодарность. Надо же, я думал, будет только ЦБ-шник, а пришёл ещё и либеро! У него всегда были хорошие игроки, рад, что в этом году сразу двоих вырастил. Ну ладно, беги в раздевалку, спасибо, что пришёл.

Он пожал мне руку. Небольшая рука Валуна оказалась тисками, которые намертво захватили мою ладонь.

Домой идти не хотелось. Дома меня ждёт скандал, а пока я туда не пришёл, никакого скандала не будет. Хоть бери билет из города и уезжай. Сначала я шёл пешком, пиная пустые жестяные банки около мусорок. Потом кормил воробьёв вчерашней школьной булкой. Испачкал тёмно-синюю школьную форму соусом из шавухи. Автобус долго не приходил, чему я был безумно рад, а когда всё же пыльный пазик задымил остановку, я уселся на место в самом конце и уткнулся виском в холодное стекло.

Мама встретила молча. Показалось, что её глаза были слегка красные и опухшие. Вроде я говорил, что пойду в гости к Макс, прокатила легенда? Я пытался хоть что-то прочитать в её глазах, но нашёл только пустые страницы. Или как в Телеграмме, строчки, скрытые от просмотра до тех пор, пока не нажмёшь.

– Тебе... Никто не звонил сегодня? – я хотел как-то начать разговор. Прошёл я отбор или нет, может знать только она.

– Знаешь, звонил.

Он позвонил! Валун всё-таки звонил!!!

– Мама Макса звонила.

Ой. А вот сейчас дела плохи.

–...говорила, ты не приходил сегодня. Классная руководительница звонила, спрашивала, не заболел ли ты. Участковый перезванивал, сказал, что в розыск можно подать только спустя трое суток. Один человек только не позвонил, хотя очень хотелось бы.

– Мам, ну у меня разрядился телефон!

– Что мам? Что мам? Я тут вся испереживалась, все слёзы выревела, а мой сын... Мой сын прошёл в академию Металлурга!

– Ур-р-ра!!!

Я бросился к маме на шею и обнял так крепко, что чуть не задушил.

– Нельзя так пугать, Жень, нельзя!

Мама смотрела то в один мой глаз, то в другой, видимо, пытаясь найти в моей довольной физиономии капельку стыда. Но стыда не было, я чувствовал себя по-настоящему счастливым. А потом мне стало жутко. Хоть мама и пыталась улыбнуться, я морально готовился к тому, что за самостоятельный выбор придётся серьёзно отвечать.

* * *

Когда я проснулся, шла середина второго урока. Мама не разбудила. На тумбочке лежала записка: «Мой сыночка теперь сам решает, ходить ему в школу или нет». На кухне ещё одна записка: «Гречка в нижнем шкафу, молоко в магазине». Если до школы меня всегда подвозили родители, то сегодня, очевидно, придётся ехать на автобусе.

Первым уроком решали пробник ОГЭ по математике, да ещё и на оценку. За пропуск без уважительной причины мне вклеили двойку. От разбавленного молока в пакетике вместо завтрака болел живот. Медсестра предложила таблетку, а после отказа расписалась на бумажке и отправила домой.

Может, я оказался не прав, когда понадеялся на родителей вместо будильника. Может, сглупил, когда пошёл в школу на голодный желудок. Может, зря отказался от таблетки в медпункте. Но мама была права в одном: теперь я сам решаю, ходить мне в школу или нет. Задняя дверь-гармошка закрылась, и в отражении я увидел беспомощного человека, которому только предстояло стать взрослым. До первой тренировки в академии оставалась одна неделя.

Разговор за ужином был недолгим. Мама говорила монотонным голосом агентов из «Матрицы», мы отмахивались друг от друга словами, как мячиком пинг-понга.

- Как школа?
- Плохо.
- Оценки?
- Тоже.
- А ещё что?
- Болел живот. Ушёл с уроков.
- Завтракал?
- Нет.

Мы ели молча, и только когда я положил посуду в раковину и развернулся в сторону своей комнаты, мама сказала:

– У взрослых людей есть приоритеты. И не забудь помыть посуду, я за тебя это делать не собираюсь.

Сколько бы я ни пытался возмущённо смотреть в её глаза, она была права: пока я жил «на автомате», мне даже в голову не приходило, как всё успевать. И если всё успевать невозможно, нужно уделять время важному и чем-то жертвовать. Жертвовать я ничем не хотел.

В интернете предложили упражнение, в котором нужно записать свои дела в столбик, расчертить как турнирную сетку и задавать вопросы: что мне важнее, пункт А или пункт Б? Пункт А или пункт В? Если пункт А выигрывает, ему ставим плюсики. Команда, то есть, дело, которое набрало больше всего плюсов, и является твоим приоритетом. У меня получилось так:

5. Друзья;

4. Здоровье;

3. Развлечения;

2. Школа;

1. Волейбол.

Теперь нужно посмотреть на первый и последний пункт. «Подумайте, почему последний пункт оказался вне твоих приоритетов.» Проще простого! У меня нет друзей. Ну а кто? Самоуверенный кретин Никита? Или мамочка, которая подтирает мне сопельки? «Пункт, который оказался первым – то, что в данный момент для Вас важнее всего. Уделите ему особое внимание». Как только приду на тренировку, я должен сделать всё, чтобы не пожалеть о своём выборе.

Вот мои приоритеты.

Будильник я не заводил, будить меня никто не собирался. Мама ведёт холодную войну. До школы оставалось совсем немного, забежать в магазин за молоком я не успевал. Пулей выбежал из дома. Оpozдал. Сесть за парту не разрешили, стоял у двери. На перемене купил сэндвич «Богатырский». Богатырём не стал, блевал в школьном туалете. Ушёл с последнего урока. До тренировки – шесть дней.

Будильник откладывал на пять минут. Времени достаточно, чтобы успевать в школу, если выйти прямо сейчас. Завтрак в этой семье как будто принципиально на меня не готовят. Взял с собой коробку печенья. Успел на первый урок. Забыл рабочую тетрадь по английскому, пришлось переписывать задание на листочек. Не успел сделать грамматику. На печеньях дотянул до последнего урока, оттуда заглянул в макдак. Дома об этом пожалел. До тренировки – пять дней.

Будильник отложил, но тут же вскочил с кровати. Дома молоко по-прежнему не любит никто, кроме меня. Поставил сковородку на газ, разбил яйцо. Отдирал яичницу со сковороды. Подошёл к математичке, завтра даст переписать пропущенную контрольную. По дороге домой зашёл в магазин, купил молоко. Вечером написал Максим, спрашивал, почему не хожу на тренировки; предложил встретиться впервые после ухода с секции. Я отказался. Мне некогда гулять, ведь до тренировки – четыре дня.

Будильник прозвенел ровно. Мама предложила помочь приготовить завтрак. Как приготовить гречку, я найду и в интернете. Сытно, но невкусно. Пришёл вовремя. Забыл сделать домашнюю работу, получил замечание в дневник и «письмо родителям». Вырвал страницу. После уроков написал пробник по математике. Дома сделал уроки и приступил к тренировкам. До тренировки оставалось всего три дня.

Встал до будильника. В центре пустого стола демонстративно стояла солонка. Мама. Ответил на английском. Пробник написал на пять. Математичка согласилась зачеркнуть двойку, но в журнал поставить четыре. Дома впервые после ссоры поговорили с мамой. Попросил проверить историю. Слушаю параграф в наушниках, параллельно набивая мяч, ведь до тренировки оставалось всего два дня.

Встал вовремя. Молоко забыл поставить в холодильник, залил в кашу – прокисло. Варил гречку заново. Автобус не пришёл по расписанию. Решил идти пешком, опоздал. На истории забыл все слова. Весь день ходил раздражённым. На эмоциях послал Макса. Как ещё ему объяснить, что встреча с ним – пустая трата времени. Дома выслушивал крики отца за то, что громко хлопаю дверью. А потом уже ссорились родители в соседней комнате. Весь день всё идёт через жопу, но я понимал, в чём причина. Тренировка – уже завтра.

Я засунул нос в приоткрытую форточку, вдохнул свежий воздух и закрыл глаза. Шум из соседней комнаты прекратился. Максим больше не беспокоил. Мысли о школе исчезли. Оставались только я. И предстоящая тренировка. Сегодня нужно сделать всё, чтобы облегчить себе жизнь завтра: собрать форму, доделать домашку, приготовить заранее завтрак.

Партия 3. Тугой ковёр

3.1

Перед тренировкой успел купить спортивную сумку, чтобы ходить не как лошок с рюкзаком школьным. Я шёл на остановку, закинув сумку на плечо, с поднятым подбородком. Думал о том, что если я теперь профессионал, захочется ли мне играть в школе? В этом пыльном зале с ненатянутой сеткой и сдутыми мячами. Думал о том, что это уровень толстых нелепых парней вроде Макса. Я думал и думал. А потом меня укачало.

Занятия проходили в том же месте, где проходил отбор. Я пошёл к заднему входу, как в прошлый раз. Из главного входа вышел Валун, его было легко узнать по огромной сумке с мячами и немного седым волосам, которые напоминали кошачью траву на подоконнике.

Он догнал меня, задев мячами.

– Ты новенький? Напомни, как тебя зовут?

– Женя.

– Женя, значит, тебе нужно будет получить форму, давай сейчас со мной, сразу тебе передам.

На самом деле, его звали Валентин Валерьевич, но для меня он так и остался Валуном. По пути Валун рассказывал, как проходят тренировки. Оказалось, что занятия средней группы, куда я прошёл отбор, идут так же, как и обычная секция. Разве что на тренировки ездить в другое место. Это в старшей группе всё серьёзно: профессиональный контракт, тренировки почти каждый день, да и живут в интернате рядом с залом. Мы лишь являлись кандидатами на перевод в старшую группу.

Зашли в тренерскую. Валентин Валерьевич достал два шопера с символикой Metallurga.

– Никита придёт сегодня, не знаешь?

Я пожал плечами.

– Передашь ему, – и протянул мне оба шопера. – Значит, смотри, там комплект красной и зелёной формы, но поскольку ты либеро, то должен будешь приходить в противоположных цветах. Если я говорю, что сегодня играем в зелёной, ты какую надеваешь?

– Красную, – неуверенно ответил я.

– Красавец! Схватываешь на лету.

Я заглянул в шопер, но ничего, кроме целлофана не смог разглядеть. Как угадал с покупкой спортивной сумки, будет, куда запихнуть старую форму. Кстати...

– Мы правда играем в зелёной? То есть, тренировки у нас тоже в форме?

– Вообще, есть ещё тренировочная форма, но на молодёжку решили не тратить. У нас что игровая, что тренировочная, один чёрт. Тренируемся обычно в зелёной. А ты, значит, в красной. Ответил на твой вопрос?

Я кивнул.

– Тогда беги переодеваться.

В раздевалке воняло носками. Несколько пар ботинок топтались чёрными, серыми, полосатыми носками, которые прикрывали почти у всех волосатые ноги. А когда переводил взгляд сначала на выглядывающие из меня трусы, потом на голые спины и, наконец, затылки, мне стало некомфортно настолько сильно задирать голову. Рост каждого из тех, кто был в раздевалке, был под метр-девятью точно. И я, со своими метр-семьдесят. Если подойти к кому-нибудь вплотную, то я бы дышал ему в сиську.

– Парни, а ну! – крикнул тот, что стоял слева. – Гляньте, наши ряды пополняются хоббитом!

Не поднимая ног с ботинок, на которых стоял, он сдвинулся мне навстречу и протянул руку.

– Либеро, угадал?

– Ага.

– Я Стасян. Стас. Стасик. Называй, как хочешь. Я на «связке».

– Женя.

У него были такие милые веснушки, что никакой «Стасян» ему не подходил, только «Стасик». Стасик кивнул в сторону других парней. Я здоровался, они называли своё имя, но практически никого не запомнил.

– Жека, ты какой номер? Как не знаешь, ну посмотри на форме, тебе же выдали.

В одном шопере номер «16», на другом номер «17». И размеры разные.

– А это чей? – Стасик показал на второй шопер.

– Никиты.

– Тоже новенький? Вы знакомы?

– Знакомы. Сколько вообще прошло человек, не знаешь?

– Да знаю, конечно! Три новеньких, ты, видимо, Никитос и Колян, мы с ним в одной школе учимся. Сеструха у него вообще огонь, вся школа от неё тащится. Увидишь – знай, я первый на неё глаз положил!

В раздевалке шкафчики были пронумерованы, и нужно было раздеваться в том, что соответствует твоему номеру. Мой 16-й был даже менее убитым, чем соседний.

– Как Никита придёт, – говорю Статиску, уже выходя из раздевалки, – скажи, что я его форму в шкафчик закинул.

Хотя зеркала не было, уверен, форма смотрелась на мне идеально. Я дал себе слово, что в этой форме я стану лучшим из лучших.

Крепкие, высокие, уверенные в себе парни разминались. Им не нужен свисток тренера, чтобы начать тренировку. Если нужно больше времени на разминку – приходишь пораньше, зал открыт. Никто не бегают, не играет в догонялки, даже не разговаривает. У шведской стенки закреплены несколько резиновых лент, которые протягивают через плечо и растягивают прямой рукой, выполняя нападающий удар. С другой стороны скрипят ботинки: кто-то делает ускорение, кто-то тренирует прыжки, кто-то бегают кругами по залу. На пол грохнул татами – это Стасян присоединился к тем, кто выполняет растяжку.

Не зная, куда разорваться, подошёл к Стасяну, но тот не дал ничего сказать:

– Жека, я всё понимаю, но до трени минут десять от силы! Там не будет времени, чтобы размяться. Иди к Дэну, чтобы никого не отвлекать.

Дэн, на которого показал Стасик, присел на корточки около стены, чтобы завязать шнурки. Его «асиксы» стёрты с внешней стороны стопы. В то же время они были идеально чистыми, а шнурки выделялись зелёно-красными цветами: вероятно, были куплены отдельно от ботинок, чтобы не развязывались и не мешались во время игры.

Я встал в уголке. Не зная, на какие конкретные части тела мне сделать упор, я начал разминаться как на школьной зарядке, руки на пояс, ноги на ширине плеч... Не хватало только моей белой футболки (какие требует физрук), разноцветного парика и клоунского носа. Рассматривая команду, увидел на другой стороне площадку 17-й номер. Никита, в отличие от меня, настолько хорошо смотрелся на разминке, что, если бы не номер на спине, я бы и не догадался, что он новенький.

Помимо разминки новичков можно было отличить по разговорам во время тренировки: если мы в перерывах болтали о волейболе, то «старичкам» волейбол настолько приелся, что старались не разговаривать на эту тему вообще.

Наконец, отличался уровень игры.

Для меня это не только первая тренировка в команде, но и первая тренировка в роли либеро. Валун давал задание основной группе и приходил к либеро, чтобы провести с нами отдельное упражнение на реакцию или скорость. Мне нравилось с ним работать. Он как будто был запрограммирован на тренировку, каждое упражнение выполнялось в определённом темпе, без промедлений, задержек, времени ни на что постороннее не хватало. И говорил он громко, отчётливо, немного приказным тоном.

Я чувствовал, что конкуренция будет большая. Парни в красных футболках были быстрее, шустрее, сильнее меня. Пытался найти хоть какое-нибудь упражнение, где я был бы лучше, но тщетно.

«ВО-О-ОУ!!!» – воскликнули парни у сетки. Стасик крикнул: «ещё, давай ещё!». Наша небольшая группа либеро обернулась, чтобы посмотреть, что происходит. Из-за зелёных спин взлетел мяч. С той стороны сетки прыгнули два человека блока. Никита выпрыгнул из второй зоны, сделал ложный удар рукой, на который «клюнул» блок, отклонившись в сторону. Мяч пролетел у Никиты за затылком, и когда у всех в зале было ощущение, что он промахнулся, Никита не глядя перевёл мяч в освободившееся от блока место другой рукой. Снова овации и восхищение, Никиту окружили, хлопая по спине.

Валентин Валерьевич неразборчиво рывкнул – муравейник из зелёных спин распался. Тренер уже отчётливо крикнул: «А ну, внимание! Расстрел!» и поставил тележку с мячами у сетки. Все как один выстроились за пределами площадки.

Мне не видно было за зелёной спиной Дэна, что такое «расстрел», а когда протиснулся вперёд, в центре площадки стоял Никита и отбивал мячи, которые нещадно кидал Валун. Может, тренер и невысокого роста, но удар у него действительно мощный. Когда вся команда смотрела на Никиту, я восхищался его уверенностью: чтобы вот так выйти перед всеми и противостоять тренеру... Мячи отлетали от Никиты в разные стороны, но как же круто он выглядел! Последний мяч из сетки улетел в Никиту; тренер жестом показал ему идти на своё место.

– Есть ещё желающие выйти центр и показать себя?

Это мой шанс! Я должен доказать, что ничуть не хуже этого понтореза, тем более, когда дело касается приёма. Тут-то я его и урою. Я сделал шаг вперёд и почувствовал, как меня схватили за запястье.

– Стой, дурачок, – шепнул Дэн.

Но я отмахнулся и вышел в центр. Смотрите! Я ничуть не хуже других либеро, я достоин быть в ряду профессионалов.

Судя по поднятым бровям, Валун был удивлён. Тем не менее, он сразу же сменил выражение лица на привычно-строгое и прикатил вторую корзину для мячей. Я улыбнулся в ответ и согнул колени, ожидая мяча. Мяч взлетел и от ладошки пулей полетел в меня, пролетев немного в стороне от моей коленки. Второй мяч отлетел от моего запястья куда-то назад, не успев отойти от третьего мяча, как полетел четвёртый, а там и пятый.

Я закрыл глаза. Больше нет неудачных попыток. Больше нет внимания всей команды. Больше нет... Мяч прилетел мне в бедро, от чего я вздрогнул и вновь оказался в центре круга, в центре внимания, которое не удалось заблокировать. Я пытался отбивать мячи, но они отлетали от меня как от стенки, а со стороны это выглядело как избиение ребёнка. Позор.

– Выстраиваемся, 20 кругов подбора за Никиту, 20 кругов за Женю и ещё 10 за то, что одного раза было недостаточно, чтобы перестать чувствовать себя важнее команды.

Круг подбора – это имитация приёма мяча в падении. Неприятная штука для диагональных, которые в целом-то не участвуют в приёме, да и для всех остальных, особенно когда повторишь по 50 раз. Тренировка задержалась до позднего вечера. Валентин Валерьевич молча

ушёл из зала, и никто не произнёс ни слова по время штрафных кругов. Ни у кого не возникло желания свалить домой, потому что никто не смотрит и не контролирует.

Я ожидал, что в раздевалке мне устроят тёмную. Но в раздевалке было спокойно. В тишине, которую перебивали шуршащие пакеты со сменкой, мне стало стыдно.

Ребята стояли перед входом и курили электронки. Решил подойти поздороваться.

– Товарищ либеро, здравствуйте, добро пожаловать! – поздоровался Стасик. – А мы как раз тебя обсуждаем. Какая у нас программа на сегодня, летать по залу будем?

Я улыбнулся в ответ и покачал головой. Подал руку Стасику, Дэну, пошёл здороваться дальше. Каждое следующее рукопожатие давалось проще, увереннее, комфортнее. Остался только Коля и его сестра, она тоже стояла с нами. Я протягиваю руку Коле, уже разворачиваясь, чтобы встать в общий круг, но Коля не протягивает в ответ. Он демонстративно держал руку в кармане и смотрел мне в глаза:

– Чтобы больше без приколов, ты меня понял?

Теперь уже мне было не до улыбок.

– Коль, да я же не специально! Да и это, забавно же было, почти как кэ-мэ-эфка для нас с тобой как новеньких, – я попытался отшутиться.

– Слышь, давай я сам буду решать, что мне забавно, а что нет! Какого фига я должен валяться по полу, если какой-то ублюдок решил повыпендриваться перед всеми?!

Дэн растопытил пальцы и положил свою здоровенную ладонь на ветровку Коли.

– Не обращай на него внимание, – сказала сестра Коли, залипая в телефон. Она произнесла фразу так спокойно, что я не смог считать интонацию. – его мамочка дома заставила отмывать форму, вот он и злится.

– Ах ты сука! Щас ты у меня...

– Стоп, стоп, стоп! – Вмешался Стасик. – Только попробуй сказать ещё хоть слово моей Лизочке! Она же божий одуванчик, как вообще можно что-то говорить в её сторону? И уж тем более трогать. Хотя я бы потрогал.

Ребята усмехнулись, Лиза не обратила никакого внимания. Стасик положил электронку в карман, позвал всех в зал, и они пошли. Лиза осталась стоять в курилке. Почему она вообще решила влезть в разговор? Как будто она ко мне неравнодушна.

– Спасибо, что заступилась за меня. Я Женя.

– Угу. Он просто долбик. Иди уже в зал, а то пропустишь стриптиз от Коли.

Она была явно не настроена на разговор. Подойдя к углу дома, я обернулся, чтобы посмотреть на Лизу. Яркая розовая кофточка, чёрные облегающие брюки, туфли на высокой подошве. Она шла в сторону остановки, как будто по подиуму, продолжая смотреть в телефон. Интересно, с кем она там переписывается?

Скинул свою сумку в шкафчик, взял одежду и сел на скамейку рядом со Стасом.

– Стасян, слушай, а вы с Лизой встречаетесь?

– А чего ты шёпотом спрашиваешь? – он тоже говорил тихо.

Я кивнул в сторону Коли, который стоял уже в трусах.

– А. Да не, куда мне... Я бы с радостью с ней и в киношку ходил, и цветы дарил, и гулял бы по городу тоже в какой-нибудь яркой одежде, чтобы все ходили и замечали нас вдвоём.

– А чего, не сложилось? Отказалась идти на свидание?

– Не, какое свидание, я не приглашал. Наверняка у неё и так кто-то есть. Ты же сам видел, какая конфетка.

На разминке меня толкнул Коля. Вряд ли из-за Лизы. Он прав, нужно возвращаться мыслями на площадку.

Пока я не очень-то вписывался в новую команду. Мало с кем разговаривал. От греха подальше, чтобы не вляпаться в очередную историю. Не задерживался после тренировок, чтобы дома готовиться к экзаменам. Нормально сдал ОГЭ. А тренировки всё продолжались и продолжались, даже летом.

На площадке вёл себя тихо, только ждал подходящего момента, чтобы поближе познакомиться с командой, привыкнуть друг к другу. Наконец, после одной из тренировок ко мне подошёл Стасик.

– Бильбо, короче, завтра у меня днюха, на хате устроим тусу, ждём тебя. Вся команда придёт. Будет «Тугой ковёр», считай, что это вместо посвята, ты вообще первым должен прийти!

– Что за «Тугой ковёр»?

– Ха, придёшь – узнаешь. Локалочка наша. Пригоняй к десяти с ночёвкой, Маяковского-три. Только стучи громче, а то там не слышно нихрена. Парни, слышали, Жека будет!

3.2

На следующий день написал маме, что ночью не дома. Выключил телефон, чтобы избежать разговора.

Включил телефон, чтобы посчитать пропущенные от мамы, но получил лишь одно сообщение: «ок».

Маяковского-три – это частный дом с коваными воротами. Я опоздал на час, и от Стаса, который меня встречал, уже пахло перегаром. Miyagi и УННВ фигачили из колонок так, что было слышно ещё с улицы. Куртку скинул в коридоре, в общую кучу. Стас взял меня за запястье и притащил в комнату.

- Давай-ка штрафную, джин, водяра, ром, виски, бредни, чего тебе налить?

На столе было столько алкоголя, что если попытаться достать бутылку из середины, наверняка опрокинешь бутылки с краю.

- Стас, я не пью.

- Понял! Вон с той стороны лежит сидр, правда, не знаю какой, мы с Коляном притащились в Пятёру и прям сгребали всё с полок, тележка по кафелю так дребезжала, что думали точно что-нибудь потечёт, а как на кассе на нас смотрели...

- Стас, совсем не пью, – и протянул ему конверт. – с днём рождения.

Он выпрямил спину, подровнял ноги и надорвал конверт вместе с деньгами внутри:

- Ложа Б, ряд третий, место 24, проходите.

И уже другим голосом:

- Ты пришёл, это главное. Ща ещё наши подгонят, девчонок закажем!

Парни на диване, парни у стола с алкашкой, парни на балконе. Девчонок не было. Или всё же были... В другой комнате на кровати обнималась какая-то парочка. Чел закинул ногу так, что она свилася. Лиц я не видел, мешала прикроватная тумбочка. Но я вполне догадывался, кто же эта единственная девушка на вечеринке. Руки девушки не обнимали парня в ответ, а смиренно лежали на покрывале. Подойдя ближе, я взял полупустой стаканчик с тумбочки и плеснул на вытянутую ногу с оголённой лодыжкой. Парень вздрогнул и поднялся на локоть. Говорю ему:

- Чёрт, чел, прости, тут темно, не заметил! Это, закинь носки на батарею в ванной, успеют высохнуть.

Он что-то промямлил и ушёл. Я подсел к Лизе.

- Ты как?

Она лежала лицом в подушку, но я всё же расслышал, что она сказала:

- Ща блевану.

- Меня тоже бесит, когда такое происходит. Сейчас всё в порядке?

- Блевану.

До меня дошло, взял её на руки и отвёл в сортир. Хотел было держать её волосы, но она махнула наотмашь рукой: «я сама. Дверь». Может, и хорошо, что я не слышал всего, что там происходило.

Я был уверен, что она там же и уснёт, но когда пришёл проведать, в уборной никого не было. Лиза уже стояла около стола с напитками. Когда я подошёл к ней, она сказала: «о, и ты здесь! Давно приехал?»

Я пытался отшутиться и слиться, потому что теперь здесь мне точно делать было нечего. Но Лиза как будто зацепилась за меня:

- Куда ты уходишь, я с тобой ещё не пила!

- И не надо. Лиз, тебе хватит.

- Это тебе хватит ускользать. Как я могу считать своим другом человека, который отказался со мной выпить!

Она постучала ногтями по одной бутылке, потом по другой, выбирая, что мне налить. «Там немного, остальное сок». И смотрела на меня хитрыми глазами. Не знаю, чего там было «немного», но на втором глотке горло скрючило так, что я поперхнулся и ещё долго кашлял. Лиза засмеялась, а потом приобняла меня и сказала: «вот теперь будем знакомы!»

Мне казалось, Лиза обнимала меня не так, как мои подруги. Её рука нежно коснулась моей спины и, поглаживая, остановилась под рёбрами. Я приобнял её в ответ и медленно прижал к себе. Сначала соединялись наши бёдра, таз, ещё чуть-чуть, и её грудь будет упираться в мои выступающие рёбра. Но вместо груди моей футболки небрежным движением коснулась её ладонь. Стоп. Я вопросительно посмотрел на неё. Лиза хитро улыбалась. А потом перестала меня обнимать и закричала на всю хату: «ТУ-ГОЙ КО-ВЁР!»

Музыка затихла. Все как один встали и собрались в комнате с алкоголем, прижались к стенкам, освобождая пространство в центре. Мы стояли с Лизой у стола и смотрели на этот хаос. В центр вышел Стас. Как и на площадке, Стасик был связующим между всеми на этой тусе, управлял происходящим. Он посмотрел на Лизу. Лиза показала пальцем на меня. Меня вывели в центр.

- Короче, - сказал Стас, - рассказываю правила. Весь пол усыпан говном. И есть воздушный шарик, который не должен упасть. Всё просто, вы касаетесь шарика по очереди, у кого упал, тот и просрал. Я выбираю второго человека. Ник, давай-ка сюда!

Удивительно, что мы с Никитой не пересеклись раньше. В это время центр комнаты засыпали «говном»: пустые бутылки, использованные стаканчики, перевернутые стулья, чьи-то куртки. Ступить было некуда. Из другой комнаты принесли смешной розовый воздушный шарик. Стасик продолжил:

- Проигравший приезжает оттирать хату. - продолжил Стас, - Лиз, а что получит победитель?

- А победитель сможет поцеловать даму, - и показала длинным ногтем на свою щёку.

Никита пробрался из толпы в центр и протянул руку в сторону. Ему подали бутылку «Хаски». Он открыл водку, выкинул крышку в срач комнаты и под крики ребят пил из горла.

- Обидно будет проиграть, да, Жень? Ты же типа трезвый, не пьёшь, - сказал Стас.

- Женечка пьёт только со мной! Да, Женечка? - вставила Лиза и протянула мне стаканчик, от которого меня чуть не вывернуло.

Стас отошёл в сторону и кинул шарик в центр комнаты. Никита пнул лежащие коробки сока и шлёпнул по шарiku ладонью, как будто это волейбольный мяч. Мне нужно было бежать за шариком в другой конец комнаты. Я старался пробраться по курткам, осторожно наступить на стул, пока шарик опускался. Успел, подбил его недалеко от себя. Никита же не церемонился и швырял мусор по пути к шарiku в стороны, не думая о том, в кого прилетит стеклянная бутылка. В ответ ребята докидывали в центр комнаты ещё больше мусора. Никите игра давалась так легко, как будто он всю жизнь только и делал, что бегал по свалкам, подбивая над собой воздушный шарик. Я не успевал. Шарик опускался так низко, что мне пришлось упасть на куртку, чтобы дотянуться до него. Никита издевался и кидал шарик в места подальше от меня. Я успел встать, но нужно было сделать пару шагов, чтобы коснуться шарика. В ногу больно впиалась пробка от водки. Я оступился и упал. Шарик тоже упал. Стоял один Никита, который развёл руки в стороны и смотрел на меня сверху вниз. Никита подошёл к Лизе, которая уже подставила щёку, взял её за подбородок и поцеловал в губы. И не просто поцеловал, они откровенно сосались на глазах у всех, как будто бы Лиза была и не против. А Стасик смотрел на меня и смеялся.

Я проиграл. Победитель, как и договаривались, получил свой поцелуй. Но так нагло целовать в губы... Я понимаю, что это всего лишь игра, как если бы играли в бутылочку, но для меня это была не игра. Меня прилюдно унизили, и я чувствовал, что ничего не смогу с этим сделать.

Не дожидаясь общей ночёвки, я уехал домой.

Стасик записал голосовуху. Сказал, что даже если я свалил, всё равно придётся убираться – иначе прибьёт.

На следующий день тренер, который ничего не знал о пьянке, ждал на тренировку.

Впрочем, все, кого встретил на вечеринке, были на площадке. Как будто устраивали не бухаловку, а чайную церемонию.

Тренировка игровая, и давалась она особенно тяжело. После неудачной вечеринки я вернулся на поле, где тоже чувствовал себя неудачником: я не был лучшим на площадке, регулярно пропускал лёгкие мячи и смотрел на то, как высокие парни взлетают над сеткой и ставят блок.

Уйти домой и ни разу не надеть футболку Metallurga, или же поступить в академию, но всю волейбольную карьеру смотреть на сетку издали – не знаю, что хуже.

Команда была в одинаковых зелёных цветах, и только у меня форма другого цвета. Когда команда шла в атаку, я должен был оставаться сзади. Когда другие могут доставать мячи за счёт высокого роста, я должен был делать лишние шаги. Есть они – и есть ты. Нас, либеро, было трое, и среди них я считался резервным. Не основным. И даже не запасным. У меня ухудшились оценки, я поссорился с родителями, ушёл от тренеров, которые научили всему, что сейчас умею.

Хотел бы я откатить всё назад.

На водопое между партиями я сидел на скамейке и смотрел, как Стасик жадно откручивает пробку, сдавливая бутылку и пьёт воду большими глотками. А когда отбросил уже мятую бутылку, мы встретились взглядами. Стасик посмотрел на свою руку, как будто бы там были часы, а затем провёл большим пальцем по горлу.

К девяти часам я должен был снова приехать к нему на хату, чтобы помочь с уборкой.

На улице темнело. Ветер задувал шею. Тренировка закончилась, до девяти вечера оставалось много времени, но домой заехать не успевал. Во дворе за спортшколой нашёл детскую площадку. Сел на качели. Несколько раз доставал телефон, смотрел на рабочий стол и снова выключал.

Дальний подъезд зачирикал, появился человек: толстый паренёк в нелепых штанах с подтяжками. Он шёл в мою сторону.

– Женья? Это ты?

Максим был похож на пёсика, который дождался своего хозяина с работы.

– Женья, Женья, ну как ты, рассказывай! Как твои успехи? Как твои дела в целом? Сильно жизнь поменялась? Чем сейчас живёшь?

Его попытки начать разговор напоминали мне мамины расспросы.

– Да, – говорю.

– Что «да»?

– Да не хочу разговаривать, извини.

Картоха немного помолчал. Предложил погулять по району. А я хотел скоротать время: как раз пройду немного и свалю.

Мы шли по тротуару вдоль многоэтажек, пока они не сменились одноэтажными домиками со смешными крышами и стареньким забором. Максим остановился под ветками дерева и уставился на плитку. Ровный узор из тетрисных кирпичиков портили маленькие тёмные пятна. Пока мы шли по дорожке, их не было, а тут вдруг появились, ещё и в таком количестве. «Шелковица», – сказал Макс. Я усмехнулся, ну какая шелковица в городе, да ещё и на прохожей части, но Макс тут же потянулся к ветке и достал ягоды, одну себе, одну мне. Тогда я тоже начал вглядываться в силуэты и искать, где длинные силуэты листьев будут съёживаться в чешуйчатую шелковицу.

Не сходя с тропинки, мы срывали жёлтые сливы и яблоки, как будто гуляли по саду. Когда совсем стало темно, включили фонарики на телефонах и считали проезжающие машины с «дальним светом». Я не знал, куда ведёт эта дорога, и такой же загадкой стало то, что она так резко закончилась: впереди небольшой дорожный слив, а дальше него притоптанная трава и холмы, за которые пряталось солнце. Чем темнее становилось, тем чаще я вспоминал кованые ворота, закиданный мусором пол и Стасика, который смеялся надо мной.

Я уже не видел Максима, но слышал, как он пробирается рядом.

– Тебе придётся что-нибудь говорить, чтобы я понимал, что ты меня не бросил в этой глуши, – пошутил я.

– Хорошо. Что бы ты хотел услышать?

– Да что угодно. – я действительно не знал, о чём поговорить. Максим как будто бы ждал поставленного вопроса. – Что там на волейболе?

– Не знаю. Я бросил.

– Как бросил???

– Вот так. После того, как вы с Никитой ушли, команда совсем другой стала. На каждой тренировке тренеры приводят вас в пример. Говорят, что у вас способности. Ребята продолжают: а кто-то просто толстый. Ты тоже когда-то ругался на свой рост, а я... Я вот теперь гербарий собираю. Скачал приложение, которое различает по фотографии растение, такое смешное, не могу! Вот это, например, видишь? Брандушка разноцветная. А вон тот куст – «Астрагал». Это на русском, на латыни ещё смешнее, «*Astragalus albicaulisc*». Ой, давай на холм заберёмся, оттуда такой вид на город!

– Не успеем, меня уже ждут.

– Дома?

– Нет, друзья ждут, – и сам усмехнулся от того, что сейчас сказал.

– Мы быстро! Такое нужно видеть.

Я согласился. Времени оставалось совсем немного, но мне хотелось увидеть в темноте город, а не свой позор. Попасть наверх можно было по тропинке, к которой мы шли и шли, обходя гору со стороны.

– Может, мы уже прошли эту тропинку?

– Мне тоже кажется, что до неё быстрее доходил.

– Давай прям тут заберёмся?

Холм был уже не таким крутым. Я подошёл к самому краю и начал карабкаться:

– Хватайся за траву потолще, давай за мной!

Трава скользкая, и если руками схватиться можно, то ногам опираться почти не на что. На полпути я обернулся: Макс отставал, но полз за мной. А потом он вскрикнул и покатился вниз. Стало страшно.

Я перевернулся спиной к холму и начал наощупь спускаться вниз, пытаясь разглядеть внизу Макса. Всё это время он лежал у подножия и держался за ботинок.

– Живой? Ходить можешь?

– Живой, живой. Подвернул, наверное, сейчас встану.

Я помог ему подняться. Макс встал на левую ногу и попробовал перенести вес на больную правую – но тут же крикнул и упал на траву.

– погоди, сними ботинок. Твою ж налево, Макс! – Я сморщился и отвернулся, чтобы попробовать развидеть. – У тебя стопа в другую сторону вывернута...

Звоню в скорую. Говорят, что не могут подъехать «к холмам», просят назвать ближайший адрес дома и подойти к нему. Как человек с переломом или вывихом, хз, должен дойти до города, их не волновало. Мы шли около получаса и всё равно прибыли быстрее скорой. Макс держался за мою шею и осторожно прыгал. Я шутил: «было бы быстрее, если бы я взял тебя на руки, но ты слишком много вешишь».

В травмпункте Максим спросил:

– Ты спешил к друзьям. Сильно опаздываешь?

– А я и не опоздал. Я уже с друзьями.

Максу перевязали ногу и положили на койку. Я сидел до тех пор, пока не приехали его родители. Только я сидел к нему спиной, не могу на такую жуть смотреть.

Я чувствовал себя хорошо и спокойно, всё как будто бы встало на свои места. Кроме ноги Макса. Ей ещё долго в порядок приходить.

После того, как не приехал к Стасу, для меня команда стала совсем другой. Ребята часто припоминают, что нужно уметь проигрывать. Никита продолжает: и пить водку. Такое чувство, что ссора с парнями отразилась и на моей физической форме: ноги стали неподвижными, как будто к ним прицепили трёхкилограммовые утяжелители. Пытаюсь сорваться с места, чтобы дотянуться до мяча, а ноги корнями вросли в площадку. Тянусь к мячу с места, а роста не хватает. Это было очень обидно, ведь мы готовились к соревнованиям.

В августе должен был пройти Кубок молодёжной лиги, тот самый, реклама которого висит на баннере в нашем зале. Наша команда едет в Сочи, где целую неделю будем играть и тренироваться рядом с морем.

На последней тренировке Валентин Валерьевич должен был сказать организационные моменты, что брать с собой, как будут проходить игры. Пока мы выстраивались в линию, Валун отошёл за листочком, а когда вернулся, сказал, что поедем усечённым составом, и я в него не вхожу. Я знал, что я не в форме. Знал, что не подхожу по уровню. Знал, что вряд ли буду много играть, но это должны были быть мои первые соревнования...

Перед тем, как зайти в раздевалку, я сидел на скамейке запасных и смотрел на баннер. На том же самом месте я сидел пару месяцев назад, прощаясь с этим залом – а теперь так же горюю, когда мне сказали в нём оставаться. А вдруг, сейчас снова подойдёт Валентин Валерьевич, скажет «как хорошо, что я остался»? Попросит телефон мамы, скажет, какой я толковый либеро, что такие игроки ему нужны. Но Валун не приходил.

В курилке была Лиза, я заметил её яркий топик, когда выходил из зала. Вместе с ней стояли Дэн, Стасик и Никита. Коля был не с ними, и в раздевалке его не было, ушёл раньше меня. Интересно, зачем Лиза пришла к нам на Ново-Садовую, если не за братом?

Я не особо ладил с парнями, не хотел на прощание пожимать руки и старался не вслушиваться в разговоры, но меня окликнула Лиза:

– Женечка! Женечка, ты же остаёшься, да?

Останавливаюсь, киваю и вопросительно на неё смотрю.

– Вот! Будешь дальше выпендриваться – уйду к Жене.

Так и не понял, к кому она обращалась, но точно не ко мне. Меня в этой компании точно не ждали, поэтому я молча пошёл к Максиму в больницу. По пути думаю: в смысле «уйду к Жене»? Откуда она хотела уйти? Или от кого...

Я бросил сумку с потной формой прямо около койки Макса и сел рядом. Его родители оставили вкусный чай с пирогами.

– Как тренировка? Хорошо поиграли? – он улыбался, но выглядел всё равно грустным. Как смайлик из Телеги, где вроде улыбается, а по щеке слеза.

– Замечательно.

– Лежу и вспоминаю, как ты играл в 42-й школе. Как мы говорили? Монстр, монстр-блок?

– Максим, давай не будем.

Я отвожу взгляд, и Макс догадывается, что происходит.

Пришлось рассказать про Сочи.

– Если меня не берут на игры, – говорю, – могу я вообще считать себя частью команды? Зачем меня взяли в команду, если я недостаточно хорош. У них и так два либеро есть, нафига я им нужен. Они будут там, а я – здесь. Они на спортивной площадке, я на детской. Вот ты вспоминаешь 42-ю школу. Так вот, «Картоха» – это теперь про меня.

– Да брось, никогда ты не был «Картохой»! Я завидовал тебе не потому, что ты лучший, а потому что ты кидал мяч у стенки и не думал о том, чтобы поскорее идти играть.

– Ты сейчас сказал «завидовал»?

– Да! Я бы тоже хотел научиться тренироваться, ни на кого не оглядываясь. Не оглядываясь, ну в смысле... – Макс усмехнулся, но сразу же стал серьёзным. – Может, я бы тогда тоже был худым и высоким...

– А я завижуду тебе. Может, тоже волейбол брошу.

– Ты чего придумал! И что ты будешь делать, вместе со мной гербарий собирать? Ну уж нет. Делай, что должен, а думай о другом. Команда придет, и сам не заметишь, как будешь выходить в основе.

Больше о волейболе мы не говорили. Макс прав: буду тренироваться дома. Главное – не думать, что происходит в Сочи.

Утром просыпаюсь с чувством ожидания звонка в дверь, как будто ко мне должен кто-то прийти. Пытаюсь вспомнить, что снилось, и когда сон более-менее вспомнился, пишу Максy:

«прикинь, ко мне сейчас девушка придет, лол»

«Серьезно??? У тебя появилась девушка?»

«нет, блин, приснилось»

«И кто она? Рассказывай!»

«нет, Макс, мне действительно ПРИСНИЛОСЬ. Позвонишь?»

После этого сообщения высветился звонок.

– Так вот, ночью приснилось, как будто Лиза в красном костюме стюардессы, вся такая накрашенная, на каблуках, подходит к парням в курилке, отковыривает своими наращенными ногтями белую наклейку и цепляет её прямо на спортивные сумки.

– Стоп-стоп, кто такая Лиза?

– Ну есть у нас, сестра одного дурачка. Не важно. Так вот, они кивают ей, выкидывают окурки и садятся в автобус, который везёт их прямо до самолёта. А потом Лиза-стюардесса подходит ко мне и говорит: к сожалению, не могу принять ваш багаж. Возникли проблемы с весом. У вас недостаточно весомая роль в команде. Прикинь? Так и говорит! И Лиза смеётся, заигрывает со мной. Как будто она на самом деле шпион, никакого самолёта не существует, и она ловко избавилась от ненужных ей людей. Говорит голосом Валуна: голодные рты нам не нужны! А я уйду к тебе. Пойдём.

– Последние слова тоже голосом Валуна?

– Да ну тебя! Я уже не помню. Ну и вот, просыпаюсь с ощущением, что ко мне кто-то придёт.

– Так а Лиза придёт в итоге?

– Нет, конечно. Чего ты вообще заиклился на Лизе, я же тебе просто так рассказываю, посмеяться.

– Покажи хоть, как эта Лиза выглядит.

– У меня нет её фоток.

– Тогда страницу ВК вкинь.

– И в ВК её нету. Или шифруется.

– Да быть такого не может! Заходишь на страницу брата, смотришь список друзей, вычисляешь. Потом смотришь, есть ли она у Никиты, у остальных ваших, кто там в курилке был.

– Макс...

– Всё, мачо, до конца дня жду ссылку! А то приду и наkostenю тебе.

– Ты сначала ходить научить, скалолаз. – я бросил трубку.

Ради прикола открыл ноут. У Коли в друзьях много профилей на иностранном языке и без аватарок. В друзьях Дэна, Стаса, Никиты полно Лиз, но это либо 60-летние бабки, либо пустые страницы. Бесполезно.

За завтраком пришла гениальная мысль: наверняка же есть программы, которые могут вычислить, какая из страничек её.

Возвращаюсь к ноуту.

Вбиваю в поисковую строку: *как вычислить по IP*. А что вообще такое IP? Во второй вкладке лезу в википедию. Выслать маячок по почте, посмотреть журнал сервера (что такое журнал сервера?), проверить по хостинговой кампании (?), свериться с адресом прокси-сервера. Поиск каждого термина, с которым я не знаком, занял у меня очень много времени. Только хочешь нагуглить слово, так в определении появляется ещё десять незнакомых. Спустя два часа я понял самое главное: это не то, что мне нужно.

Как вычислить страничку в ВК. Утечка данных, советы киберэксперта, IMSI, IMEI, PII. Кажется, снова не то. *Как найти страницу по общим друзьям*. Этот сайт предложил скачать приложение, которое может по определённом алгоритму вычислить людей, с которыми ты вероятно знаком: похожим образом работает поиск друзей «возможно, вы знакомы», которое постоянно прилетает в ВК, только в моём приложении не обязательно добавляться друг к другу в друзья: он смотрит посещаемость, лайки, комментарии, просмотры и выдаёт процентную вероятность знакомства.

То, что нужно. Приложение неофициальное, его пришлось скачать через торрент. Нужно отключить антивирус, войти в учётную запись компьютера с помощью режима администратора, запустить командную строку. Мне пришлось не просто гуглить «что это такое», но и искать, куда нажимать, что именно вводить.

За изучением алгоритмов я не заметил, как прошёл день. Зазвенел звонок в дверь. Я никого не ждал, и потому открывать не собирался. К счастью, дальше я услышал, как проворачивают ключи в замочной скважине – это мама вернулась с работы, наверное, долго искала ключи в сумке.

– Жень, чего не встречаешь? Смотри, кого я тебе привезла!

В дверях нашей прохожей стоял Макс.

Правда, не совсем стоял: неуклюже завалился всем телом на костыли и смотрел на забинтованную ногу.

– Да ладно! – вскрикнул я. – Тебя выписали! Кстати, я сегодня тоже с «костылём».

Мы пошли ко мне в комнату.

– Ну что ж, показывай свой костыль! Тоже ногу успел сломать?

– Да нет же, «костыль» – это типа обходной приём в программировании. Держи свою фотку!

Макс сел на мою кровать и долго пялился в мой компьютер, который больше напоминал заставку фильма «Матрица». Найденная фотография Лизы его как будто бы и не интересовала.

– Вот это да, Жень... Ты либо гений, либо дурак!

– Почему дурак сразу? Ты знаешь, какими махинациями я смог достать эту чёртову фотку?!

– Вот именно. А мог бы просто попросить у Никиты.

Партия 4. Блок

4.1

Теперь я старшеклассник.

Что-то должно было поменяться, но осталось прежним: в школе вместо ОГЭ теперь готовят к ЕГЭ, а значит, на уроках мы снова ставим галочки в тестиках.

Что-то осталось прежним, но при этом поменялось: Максим вернулся на тренировки в 42-ю школу, но теперь занимается без фанатизма, в своё удовольствие.

А что-то было настолько неизменным, что изменить ситуацию могло только чудо: моё положение на площадке. После вылета в ¼ в Сочи Валентин Валерьевич не на шутку рассердился на расхлябанное нападение и на тренировках уделяет реализации больше всего времени. При этом Тёмыч, наш второй либеро, выдал «матч жизни» и попал в символическую сборную турнира, из-за чего моя ценность в команде упала в несколько раз. Максим завещал не рубить с плеча, ходить на тренировки и ждать свой шанс. Но шанс – это возможное хотя бы в теории. Мне же было необходимо чудо.

Что опоздаю на тренировку, что вообще не приду – команда не заметит. Я это чувствую, поэтому, когда заболел и не смог попасть на предсезонное медобследование, где проверяют всякую фигню типа зрения и зафиксируют твой рост, который потом публикуют на сайте академии – я не расстроился.

Первые две тренировки я пропустил, а на третью сильно опаздываю. Запыхавшись, забегаю в раздевалку, бросаю сумку на скамейку, выкидываю из неё форму, уже пофиг, что будет мятой, расшнуровываю ботинки, швыряю их в сторону, стаскиваю джинсы, они летят в кучу с чужими вещами, потом разберусь, туда же отправляется кофта с футболкой. Из-под груды вещей не глядя достаю форму и спортивную футболку, напяливаю кое-как и бегу в зал. Там уже всюю бегают вокруг фишек.

Встаю у шведской стенки, чтобы хоть чуть-чуть размяться. Пробегающие парни пьются на меня. Ну да, опоздал, с кем не бывает? Да, болел. Что мне, вообще теперь не приходиться? То брови нахмурят, то засмеются прямо в глаза, то головой покачают, пальцами что-то показывают. Вообще-то я не особо смог разобраться, что они хотят сказать, темп упражнения был слишком высоким. Чем же я тогда заслужил такое внимание? Соскучились, что ли.

Когда прозвучал свисток, который означал конец упражнения, я пошёл в центр, чтобы присоединиться к команде и начать тренировку. Тут меня буквально облупили: «Повернись, повернись!», «Ты когда успел фамилию сменить?», «Никитос, чего не отзываешься?» «Где форма, Бильбо?»

Форма на мне. Но форма-то не моя! На мне была зелёная футболка, как и у остальной команды, а должен был надеть красную, как у либеро. В спешке я вытащил не свою футболку, а Никитоса. Оно и понятно, наши шкафчики ведь рядом.

– Что за галдёж? – рявкнул Валентин Валерьевич.

– Ну всё, пипец, опять «расстрел» сейчас будет, – пробормотал Коля.

Я ленивой трусцой побежал в раздевалку, чтобы переодеть форму, но меня остановил Валун:

– Отставить, потом переоденешь! Некогда модный показ устраивать. Где Никита?

– Отсутствует, – сказал Дэн.

– Да бухает он! С бабами гуляет этот чертила! – выкрикнул Стасик.

Валун подошёл ко мне ближе, внимательно оглядел с ног до головы и загадочно улыбнулся.

– Значит, так, – Валентин Валерьевич сменил тон на более спокойный. – Раз Никита у нас играть не хочет, Женя сегодня будет играть за него. Женя, услышал? В конце тренировки играешь на позиции центрального блокирующего.

В зале засмеялись: «Это Бильбо-то? Бильбо?! Ха-ха!»

Тренировка была на физуху, в основном бегали, кидали друг другу утяжелённые мячи, то есть, никакого деления на позиции не было и всё шло как обычно. Разве что подкалывали иногда: «как ты играть будешь, ты же совсем зелёный», указывая на форму; «с либеро на ЦБ, он совсем больной», «Никита, Никита»...

Я чувствовал себя совсем по-другому. В приятном смысле! Впервые я был такого же цвета, как и остальная команда. Форма Никиты хоть и неприятно пахла, но была очень удобной. Что удивительно, ведь он носит на размер больше, чем я. Наконец, у меня шли мурашки.

Нас разбили на команды. Матч я начинал со скамейки. После нескольких мячей наша команда подавала, и либеро из-за невыгодной позиции после перехода временно уходит на замену. Вместо него выходит центральный блокирующий, чтобы усилить блок. Тёма в красной футболке либеро шёл в сторону лавки запасных. Он протянул мне руку. Я должен был её хлоп-

нуть и выйти на поле. Я смотрел в глаза своему коллеге, своему напарнику, своему конкуренту по позиции – и не соображал, почему я должен его менять. Потому что тренер сказал играть на другой позиции, это понятно, но почему? Сегодня мы не конкуренты. Сегодня я должен был дополнить Тёму и сменить его приём на свой блок. Это не равноценная замена: Тёма только только набрал форму в Сочи, а я пропустил сборы и первые тренировки. К тому же, я впервые играю на позиции ЦБ. Не уверен, есть ли хоть одно моё качество, которое на поле сейчас нужнее, чем Тёмины. Как бы ни были равнозначны силы, сегодня это замена по позиции.

Я старался проговаривать все позиции, чтобы не запутаться в тактике. Связующий Стасик на подаче. Я подошёл вплотную к доигровщику Коле, который вместе с диагональным Дэном уже ждали у сетки. Кроме того, я постоянно повторял под нос: я ЦБ, я ЦБ, я ЦБ.

Во время тренировочных игр я часто смотрел на Никиту, разглядывал его футболку, следил за тем, как при подаче правый рукав поднимается над плечом во время замаха, обнажая волосатые подмышки. Ладно, издали я этого не видел, но представлял – это было моментом повышенной концентрации, потому что сейчас будет лететь мяч, от которого я ох как настрадался и за время в 42-й школе, и за время в академии. Но Никиты не просто нет на площадке. Его футболка на мне – и от меня ожидают такой же игры, как и от него. Агрессивной, изящной, взрывной. Могу ли я быть таким, как он, могу ли я копировать чужой стиль, чужие сильные стороны, чужой характер? Что ощущают мои напарники по команде, которые привыкли играть рядом с Никитой, полагаться на него, доверять важные мячи – и что чувствуют сейчас, когда смотрят в спину, видят тот же номер, но в нём абсолютно другой игрок? Кем бы я ни был, сегодня я ЦБ.

Мы всё ещё стоим у сетки. Стас бьёт мяч об пол, я слышу, как он настраивается на подачу. Я ЦБ. Мы, передняя линия, должны закрыть угол обзора для игроков, поэтому поднимаем руки вверх. Я ЦБ. Перемотанные белым бинтом пальцы Коли поднимаются вверх, к такому же белому тросу наверху сетки. Я поднимаю свои руки, без бинтов, до сегодняшнего дня даже лишённые возможности быть выбитыми после удара на сетке. Пока Стасик настраивается, успеваю слегка дотронуться до сетки. Совсем чуть-чуть, чтобы пощупать материал, почувствовать свою близость к ней. Сетка слегка задрожала. Задрожал и я. Мурашки.

Коля не выдержал, схватил меня за талию и прижал к себе, как будто я его невеста. Только мы стояли боком. Всё правильно: между нами была дыра, и мы должны стоять ближе, чтобы через образовавшуюся дырку соперники не могли следить за подачей. Наши вытянутые руки соприкоснулись. Но удивительно другое: правая рука Коли была не сильно выше моей. То есть, выше, конечно, но не настолько сильно! У меня был опыт в секции в качестве связующего, когда нужно постоянно стоять у сетки и никуда не уходить. Я знал, сколько чёрных квадратов на сетке соответствуют моему росту – так мы вычисляли, натянута ли сетка, или её нужно подтянуть после выходных. Тогда было ровно четыре квадрата. Сейчас квадратов явно должно было быть меньше. Всё логично, ведь тогда я был мелким наивным восьмиклассником. Удивляло не это, а то, что у руки Коли, которая вплотную прижата к моей, запас сетки составлял всего половину квадрата.

Услышал хлопок – это Стасик своей хлесткой рукой ударил по мячу.

Бах!

Я не успел оглянуться, как мяч прилетел мне в затылок и впечатал мой лоб в сетку. Хорошо, что не оглянулся! Что вообще происходит, почему мяч постоянно попадает мне в голову?

Потирая затылок, я ушёл на приём. С той стороны тоже не подали: мяч улетел далеко в аут. Теперь же я у сетки поднимаю не две руки, а одну, чтобы второй прикрывать затылок. Ну так, на всякий пожарный.

Мяч летал из стороны в сторону, без моего участия. Я буквально не понимал, когда нужно вступать в игру. Обычно это происходит на уровне инстинктов: мяч ещё не подан, а ты уже

знаешь, в какой точке должен оказаться через два-три касания, ведь есть тренерская установка; есть много матчей за спиной, иными словами, игровой опыт; в конце концов, связующий показывает за спиной, куда отдаст пас и кому готовиться выходить на удар. Я стоял и ждал, пока интуиция подскажет, что я должен делать. Но интуиция не вышла на площадку. Она осталась сидеть на скамейке запасных, в форме другого цвета.

– Жень, выходи на блок! На блок! – кричал мне Валун во время розыгрыша.

Расстановка поменялась, меня сменил Тёма.

Валун стоял рядом с лавкой запасным, и спокойным тоном спросил:

– Чего ты не прыгаешь? Непривычно?

– Так я же не достаю до сетки, – спокойно отвечаю я.

– До чего ты не достаёшь? – Валун засмеялся, как будто я сказал откровенную глупость.

– Ты же за лето вымахал под метр-восемьдесят!

И тут пазл сложился. У меня пошёл рост.

Я бы заметил это раньше, если бы прошёл медосмотр. Если бы слушал родителей, которые каждый раз говорили, что я подросток – а не товарищ по команде, которые прозвали меня Бильбой. Если бы понимал, почему моя мама была одного роста с Натальей Вячеславовной. Если бы следовал указаниям тренера, который поставил меня вместо Никиты не ради того, чтобы посмеяться.

Я постоянно смотрю игры Metallurga, пересмотрел все видео с участием Треухина. Каждый раз ставил себя на его место, но не верил и даже не пытался представить, что бы я делал на его месте; не знаю, как он двигается с точки зрения техники, чтобы потом повторять самому. Я слепо восхищался, но не учился.

Теперь у меня было всего несколько мячей до следующего выхода на поле, чтобы проследить за движениями центрблока.

Как только я вернулся на поле, попробовал выпрыгнуть у сетки просто так. Сетка зашаталась, я задел её рукой. В игре за такое засчитали бы проигранный мяч. Но я почувствовал сетку даже не пальцами – ладошкой. Значит, я могу бороться за верховые мячи.

Я всё время смотрел на мяч, чтобы не упустить его из виду и не попасться на обманные движения первой линии. Стою у сетки вплотную к Коле, одной рукой прикрываю затылок. Вторая попытка, второй шанс. Мяч перелетает на другую сторону, попадает в либеро, оттуда к связующему и летит прямо надо мной...

Прыжок. Вижу мяч, вижу взлетевшего диагонального, который загородил своей зелёной майкой весь обзор, вижу Колю, который прыгнул вместе со мной на блок – и больше никого. Мы втроём оказались на втором этаже. Вся игра сейчас зависит от нас. Кто кого перехитрит, кто кого окажется сильнее, сообразительнее, мощнее, опытнее, тот и выиграет. Мои руки тянутся к мячу, точнее, за мячом, как будто внутри мяча не резиновая камера, а магнит, притягивающий мои пальцы. На верхней точке прыжка для меня открылась чужая часть площадки. Такая большая и чистая, не испачканная чёрной сеткой, не загороженная ничьей спиной. Оранжевое поле не видно полностью, как будто оно усеяно пшеницей, и ты едешь на машине и вглядываешься в горизонт, но видишь только линию, где заканчиваются колосья и начинается небо. Эту линию мы называем разметкой.

– Линия!

Мяч прошёл сквозь моих рук и попал в площадку. Дэн подошёл ко мне, толкнул локтем в бок, вытянул замотанные пальцы – и показал то ли птицу, то ли краба, если бы мы играли в театр теней. Оказывается, во время блока нужно соединять большие пальцы, а остальные растопырить и держать в напряжении, чтобы во время блока покрыть наибольшую область.

Подачу я принял. Только немного потерял позицию и отобрал мяч у либеро. По привычке. Мяч дошёл ровно в руки Стасика, Стасик отдаёт мяч прямо на меня, я делаю шаг, взмываю вверх – и вижу, как игроки соперника пристально смотрят на меня. В согнутых коле-

нях и раздвинутыми в стороны руками, как будто мы не на площадке, а на татами. Я закрываю глаза. Больше нет глаз. Больше нет татами. Больше нет поля с его колосьями. Больше нет разметки. Есть только я. И мяч.

Удар!

Мяч попал в блок соперника, который настолько быстро появился передо мной, что не успел заметить. Ну а чего вы хотели?! Я ни разу в жизни не выполнял атакующий удар.

– Ты хоть смотри, куда бьёшь, – сказал Стасик.

– Ещё, – отвечаю ему.

И он дал ещё.

Сверху видно всё как на ладони. Кто где стоит, кто потерял позицию, у кого прямые ноги. Между игроками огромное расстояние. А ещё у кого-то шнурок развязался, я это тоже вижу. А теперь не вижу. Передо мной появились руки – вот как в прошлый раз я угодил в блок. Потные ладошки загородили весь обзор. Боковым зрением я смотрел на ладошки и пытался достроить площадку по памяти. Вот «линия судьбы». Но на самом деле это передняя линия. «линия жизни» – в ней расположился либеро. Крайний игрок слева, насколько я помню, стоит ближе к указательному пальцу, а значит, он не успеет подстраховать.

Я скинул. Сбросил. Сделал обманное движение и плавно перевёл мяч за шиворот блокирующим. Расчёты не подвели: мы выиграли этот мяч, а игрока соперника я «поставил на колени». Это моё первое очко в роли центрблока. Я чертовски гордился собой.

– О-о-о, да ты теперь не Бильбо! Ты Биль-БА! – Стасик сделал акцент на окончание слова.

– В смысле?

– Я думал, ты пробьёшь, а ты скидываешь, как девчонка. Вот и говорю, Бильба.

Не понимаю, зачем нужно было портить мою радость. А вот Дэн похвалил. Точнее, просто протянул руку, чтобы я её шлёпнул, и ушёл на подачу.

Стасик не любил отдавать мне мячи. Если был вариант переправить мяч на диагонального или доигровщика, он отдавал пас под мощный удар. Мои удары были слабыми, их легко брали – даже если я бил в пустую зону. Тренер объяснил это тем, что мне не хватает мышечной массы: рост пошёл, а мышцы расползлись по руке, и до тех пор, пока я не накачаю, удар так и останется слабым. Если на меня шёл мяч, даже не блокировали: принять мяч внизу было проще, чем на блоке. Под конец игры тренер сказал, что это был интересный эксперимент и наказал в следующий раз надевать футболку либеро.